

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

РОКОССОВСКИЙ. КЛИНОК И ЖЕЗЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава первая

ПОЛЬСКИЕ КОРНИ

Биографические данные начального периода жизни Рокоссовского весьма противоречивы. Что и говорить, когда одна власть сменила другую, а потом ещё залила родные просторы кровью и горем гражданской войны, когда победителям и побеждённым, строя мирную жизнь, благом было спрятать что-то из своего прошлого, приходилось хорошенько подумать, что вписывать в свою анкету, а о чём лучше промолчать. А уж тем более, если ты в новой иерархии не просто рядовой солдат революции, а лихой красный командир... Многие документы, в том числе и метрические, оказались в огне революции и гражданской войны, а потому у их уцелевших действительных подлинников появилась реальная возможность без особых осложнений и последствий благополучно подправить свои биографии. Известно, к примеру, что многие будущие советские маршалы, будучи скромными командирами взводов и эскадронов, смело корректировали своё прошлое, как правило, в сторону пролетарского происхождения.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

Вот и Рокоссовский, по всей вероятности, не избежал общего соблазна.

В анкетах в разные периоды своей жизни местом рождения он указывал то Варшаву, то Великие Луки Псковской губернии, то снова Варшаву, — “как того требовали обстоятельства...”, — то снова Великие Луки.

Биографы и родня такие исторические разночтения объясняют следующими обстоятельствами. До 1945 года во всех анкетах и биографических справках сам Рокоссовский местом своего рождения совершенно определённо указывал Варшаву. В 1940 году, когда его освободили из-под ареста в связи с обвинениями в шпионаже в пользу польской и японской разведок, он в очередной раз составил краткую автобиографическую справку. В таких документах неверно написанное слово может стать пулей в затылок. “Родился в г. Варшаве в 1896 г. в рабочей семье. Отец — рабочий машинист на Риго-Орловской, а затем Варшавско-Венской железной дороге. Умер в 1905 году... Мать — работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году... Окончил четырёхклассное городское училище в 1909 г. в г. Варшаве (предместье Прага)”.

Своё пролетарское происхождение Рокоссовский смело подтверждал даже перед лицом опасности. По всей вероятности, помня, что во всех предыдущих анкетах он писал именно так. Оставалось твёрдо стоять на своём. И это прошло.

Что касается места рождения, эту историю прояснила в одном из газетных интервью правнучка маршала, журналист-международник Ариадна Рокоссовская: “Можно сказать, что мест рождения у Рокоссовского два. Во всех советских энциклопедиях и научных трудах указан город Великие Луки в Псковской области. Сам Рокоссовский в своих автобиографиях до 1945 года называл в качестве места рождения Варшаву. Однако в конце Великой Отечественной войны, когда маршал стал дважды Героем Советского Союза, на его родине полагалось установить бронзовый бюст Героя. А поставить памятник советскому полководцу в формально независимой, хоть и “братской” Польше было неудобно. Поэтому для маршала “подобрали” новую родину — на территории СССР”.

Работала ли мать на чулочной фабрике, доподлинно не известно. Возможно, оставив школу и учительство, какое-то время действительно работала там, чтобы содержать семью, внезапно оставшуюся без кормильца.

Отец Ксаверий Юзеф, по воспоминаниям младшей сестры Рокоссовского Хелены, умер не в 1905 году, а в 1902-м, 17 октября и 20 октября похоронен на Брудновском кладбище в Варшаве. В начале 50-х годов прошлого века, когда судьба волею всемогущего Сталина направила его на службу в родную Польшу, маршал поставил на могиле отца надгробье с точной датой. Оно и теперь там стоит.

Датой рождения Рокоссовский указывал 9 декабря (21-е число по новому стилю) 1896 года. По церковному календарю день Потапия и Анфисы Рукоделицы. Никаких знаков будущей судьбы этот день ему не подавал.

Некоторые исследователи утверждают, что на самом деле Рокоссовский родился не в 1896 году, а двумя годами раньше. Подлинную дату рождения искажил в угоду обстоятельствам, чтобы в августе 1914 года его без помех приняли охотником в драгунский полк. Чуть позже приписал себе лишний год учёбы. Дело в том, что для вольноопределяющегося существовал образовательный ценз. Рокоссовский к тому времени успел окончить четыре класса гимназии. Не хватало двух лет. При условии достаточного образовательного ценза охотник легко мог перейти в категорию вольноопределяющегося и пользоваться всеми льготами, в том числе и при производстве в очередной чин.

Позже Рокоссовский сообщал о себе в очередной анкете: служил “в старой армии вольноопределяющимся младшим унтер-офицером с 5 августа по октябрь 1917 г.”.

В списках 5-го драгунского Каргопольского полка он, однако, числится не вольноопределяющимся, а охотником — добровольцем. Охотники, в отличие от обычных рекрут, тоже пользовались рядом льгот. К примеру, их не посылали в наряды на хозяйственные работы. При наличии образовательного ценза или сдаче специального экзамена, в ходе которого кандидат должен

был продемонстрировать знание военных дисциплин, соответствующих курсу юнкерского училища, его по истечении определённого срока службы производили в офицерский чин с присвоением звания поручик. Возможно, у Рокоссовского была такая мечта, но дальнейшие события унесли его в иное русло.

Примечательно, что все три главных маршала Великой Отечественной войны родились в декабре: Георгий Константинович Жуков — 1 декабря, Иван Степанович Конев — 16 декабря. Рокоссовский и Жуков — одногодки, Конев — на год моложе своих боевых товарищей.

Отец будущего маршала Ксаверий Юзеф принадлежал к старинному польскому шляхетскому роду, некогда владевшему поместьем Рокосово в Царстве Польском. Его предки происходили из “рода с гербом Глаубич”: в голубом поле серебряная рыба, плывущая налево. Первоначально фамилия писалась так: Rokosowski. С одной “s” и по-польски усечённым окончанием. Своё шляхетство Рокоссовские утратили в середине XIX века и писались уже мещанами.

Мещанином гмины* Комарово Островского уезда был записан и Рокоссовский. Это подтверждает выписка из приказа командира 5-го драгунского Каргопольского полка генерала Илляшевича от 5 августа 1914 года: “Крестьянин Гроецкого уезда деревни Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения первого разряда в 1911 году, и мещанин гмины Комарово Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокосовский, родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон”.

Как видим, дата рождения здесь другая. Можно предположить, что более верная, так как сестра Хелена всю жизнь считала себя младшей, при том что датой её рождения значился 1896 год. На её надгробье на Брудновском кладбище Варшавы выбито: “Хелена Рокоссовская, жила 86 лет. 24.VII.1982”. Арифметика несложная: Хелена родилась в 1896 году. Значит, брат родился годом или двумя раньше.

Когда настало время определяться и с фамилией, и с отчеством, и с происхождением, фамилию записали в соответствии с русской орфографией, отчество, кстати, отсутствующее у поляков, стало, для простоты произношения, Константинович. Так, благодаря полковому писарю и службе в старом русском драгунском Каргопольском полку Константин Рокосовски стал Константином Константиновичем Рокоссовским. Хотя в некоторых армейских документах драгунской юности фамилию мещанина гмины Комарово Островского уезда записывали с одной “с”, а отчество — то Савельевич, то Васильевич...

Отец Константы на самом деле служил инспектором Варшавско-Венской железной дороги. Должность довольно высокая. Чтобы не портить анкету, будущий красный командир немного подправит должность отца, записав его железнодорожным машинистом.

Мать Антонина, урождённая Овсянникова, — русская, из мещан местечка Телеханы Пинского уезда Минской губернии. Имела педагогическое образование и, по некоторым источникам, какое-то время преподавала в школе русский язык и литературу.

В семье разговаривали и на польском, и на русском. Овладев грамотой, Константин легко и с увлечением читал на обоих языках. В царской Польше это было обычным явлением, тем более в смешанных семьях.

На протяжении всей жизни Рокоссовский, заполняя различного рода анкеты, в графе о национальной принадлежности писал: “Поляк”. В графу “Родной язык” вписывал: “Русский”. Так кем же он был? Поляком? Русским? Учёные-языковеды подтверждают: ничто так тесно не влияет на формирование национального самосознания человека, как язык. Самый мощный и точный этнический идентификатор — язык.

Не желая дискуссии на эту тему и допуская, что любая авторская версия по поводу белых пятен таких крупных исторических личностей, как Рокоссовский, чревата, по меньшей мере, неточностями, всё же должен

* Гмина — наименьшая административная единица в Польше. Нечто подобное волостям в России и сельсоветам в СССР.

заметить, что свою сыновнюю, гражданскую верность родине и народу Рокоссовский вполне доказал своей жизнью. И когда сжимал в руке драгунскую шашку, и когда — маршалский жезл. Поэтому слова здравницы Верховного Главнокомандующего, поднявшего в мае 1945 года во время торжественного приёма в Кремле исторический тост “За русский народ!”, в полной мере относятся и к нему, говорившему, думавшему и дравшемуся по-русски.

Существует одна семейная загадка, которая, кажется, не разгадана никем из биографов маршала: и отец Ксаверий Юзеф, и мать Антонина, и все трое детей были прихожанами одного из варшавских приходов русской православной церкви. По всей вероятности, они посещали Свято-Троицкую церковь, что на Подвальной улице, 5. Здесь же крестили всех детей.

Однако записи о крещении Рокоссовского до сих пор не обнаружено. Церковные книги считаются утраченными. Война, эвакуация, пожары, оккупация...

Почему Рокоссовские исповедали православие? Почему, как большинство поляков, не были католиками? Справочники тех лет свидетельствуют: по числу жителей Варшава стояла на третьем месте в Российской империи после Санкт-Петербурга и Москвы; всех жителей 785 000, из коих католиков — 400 000, евреев — 254 000, православных — 36 000, протестантов — 20 000. Православных, таким образом, в Варшаве было достаточно много. Но это были, в основном, русские люди — чиновники и служащие различных ведомств, а также купцы, артисты, военные. Переход поляка в православие самими поляками рассматривался тогда как, по меньшей мере, предательство по отношению к родине, независимость которой была отнята русской короной, штыками солдат, исповедавших православие...

В Российской империи действовал закон: дети от смешанных браков с иноверцами, находящимися на государственной службе, должны были принять крещение в православии. В противном случае родитель терял должность. Железные дороги в России в ту пору числились по разряду государственной службы.

Старшая сестра Мария вскоре после поступления брата в полк вышла замуж. Во время Первой мировой войны выехала в Россию. Умерла вскоре после эвакуации. Где похоронена, неизвестно. Рокоссовский считал её живой. Пытался разыскивать. О смерти Марии узнал от младшей, Хелены, лишь в 45-м, когда прибыл в Польшу в качестве министра вооружённых сил Польши.

После смерти родителей пятнадцатилетнего Константы забрал к себе младший брат Ксаверия Юзефа Александр. Дядя владел стоматологической клиникой на улице Маршалковской в историческом центре Варшавы.

Хелена уехала в Санкт-Петербург и какое-то время жила в семье бездетной тётки Владиславы Александры. Тётка была замужем за петербургским чиновником, нужды не знала и с удовольствием взяла к себе осиротевшую племянницу.

Дядя Александр имел загородное имение, где семья обычно проживала всё лето, лишь на зиму возвращаясь в Варшаву. В имении Константы приохотился к верховой езде. За отличную посадку и искусное владение поводьями юношу вскоре прозвали Бедуином. Женщины, любясь всадником, буквально не отрывали от него глаз и прочили ему большое будущее. Кто-то вспоминал славного предка — подпоручика Второго кавалерийского полка армии Великого герцога Варшавского Юзефа Рокоссовски.

Пан Юзеф в своё время служил в корпусе князя Понятовского и в 1812 году в составе великой армии Наполеона искал славы в пределах России. Но польский корпус был разбит и рассеян, как и вся великая армия покорителя Европы. Корпус Понятовского в войске Наполеона насчитывал 60 000 сабель и был третьим по численности в многоязыкой великой армии, после французов и немцев. Кстати, именно тогда, при формировании корпуса Понятовского, была сложена песня “Ещё Польша не погибла”, ставшая ныне гимном Польши.

Константы, конечно же, знал семейную легенду о пане Юзефе, славном подпоручике и лихом драгуне.

И когда в августе 1914 года в окрестностях Варшавы появились кавалеристы, одетые в униформу военного времени, сердце Рокоссовского, увлечённого историческими и приключенческими романами, дрогнуло. На площадях по воскресеньям и церковным праздникам играли полковые оркестры. Офицеры блистали выправкой, звенели шпорами по мощёным тротуарам городских садов. Нижние чины сияли новенькими погонами и тщательно начищенными высокими голенищами кавалерийских сапог. Поблёскивали медные, до золотого сияния надраенные эфесы драгунских пашек, украшенные вензелем государя и темляками с кожаной кистью. Грациозные, как крупные птицы, кавалерийские кони высекали искры, лёгкой рысью проходя по варшавским мостовым. 5-й Каргопольский драгунский полк прибыл в эшелонах из глубины Российской империи, из Симбирска, и готовился к боям.

Настроение у войск было лихое. Атмосфера в обществе продолжала накаляться духом народного патриотизма и святой жертвенности ради Отечества. Этот жаркий порыв — послужить делу освобождения и единения славянских народов — захватил и русскую Польшу. Православные поляки тут же хлынули в войска, искренне желая в трудный для Родины час с оружием в руках послужить вере, царю и Отечеству.

Второго августа Рокоссовский вместе со своими товарищами явился на призывной пункт.

Накануне было опубликовано в газетах “Воззвание к полякам”:

“Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа её. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с великой Россией.

Русские войска несут вам благовест этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждёт от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идёт к вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врагов при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение креста — символ страдания и воскресения народов.

Верховный главнокомандующий, генерал-адъютант *Николай*.

1 (14) августа 1914 г.”.

Спустя несколько дней, переодетый в драгунскую униформу и надраив солдатскую бляху с двуглавым орлом, Рокоссовский уже шёл в строю и во всю глотку орал полковую песню:

*Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был авангард Багратиона
Судьбой на гибель обречён.*

*Бой закипел и продолжался
Всё горячей и горячей.
Людскою кровью напитался,
Краснел шенграбенский ручей.*

*Так свято ж помните об этом
На предстоящем вам пути.
И будет пусть у вас заветом:
Пять — против тридцати!*

Полковая песня оказалась своеобразным кодом для нашего героя. Его и Багратионом будут называть. И “пять — против тридцати” в его жизни и войнах будет, и не раз.

Глава вторая

ДРАГУН КАРГОПОЛЬСКОГО ПОЛКА

Приказ о зачислении Рокоссовского в 6-й эскадрон 5-го Каргопольского драгунского полка появился 5 августа, а уже через три дня, 8-го числа того же августа 1914 года полк оказался в деле. Новобранцы шли в одних рядах с ветеранами. Рекрутами, вольноопределяющимися и охотниками спешно пополнили до штатов военного времени эскадроны, и — в бой.

Таким образом, никакой основательной подготовки, ни тем более учебной команды Рокоссовский не прошёл. Сразу — на передовую.

Пятая кавалерийская дивизия — уланы Литовского, гусары Александрийского, казаки Донского войскового атамана Власова и драгуны Каргопольского полков — двигались к фронту. К 8 августа передовые разъезды, достигнув реки Пилицы у посада Ново-Място, обнаружили авангарды противника. Неприятель занимал посад, но какими силами, выяснить удалось не сразу. Необходима была более тщательная разведка.

Командование дивизии выслало вперёд несколько разведгрупп, но все они вернулись ни с чем. И только одиночный разведчик-маршрутник точно и в полной мере выполнил приказ и принёс исчерпывающую информацию о неприятеле. Тем удачливым разведчиком оказался драгун Рокоссовский.

В Ново-Място он пошёл один, переодевшись в гражданское. Переговорил с местными жителями, обошёл посад. Выяснилось: в посаде и окрестностях дислоцирован полк немецкой кавалерии; эскадроны отдыхают, о близости русских не подозревают.

Смелость и находчивость молодого охотника привела в восхищение начальство. Вскоре сведения подтвердились. После удачно проведённой операции против полка немецкой кавалерии, занимавшей Ново-Място и окрестности, отличившихся тут же представили к наградам. В их числе оказался и Рокоссовский. За дерзкую разведку и исчерпывающие сведения о противнике его наградили солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Свой первый крест за № 9841 Рокоссовский получил вскоре после первого боя. Реляции тогда не задерживали.

В представлении к награде говорится: “Будучи дозорным в разъезде и войдя в деревню Ястржем, наткнулся на пехотную заставу, которая стала в него стрелять, а с другой стороны на него бросился немецкий кавалерист; драгун Рокоссовский, выказав под огнём заставы большое хладнокровие, зарубил пашкою подлетевшего к нему немецкого улана и, поскакав к разъезду, вовремя предупредил его об опасности, благодаря чему разъезд избежал ловушки”.

Вот так: сам погибай, а товарища выручай.

Удивляет только вот что: откуда у добровольца-охотника, только вчера перекинувшего через плечо драгунскую португезу, столь искусное владение пашкой и такое хладнокровие в бою?

До войны Рокоссовский пять лет работал каменотёсом. После смерти матери он жил у родственников, то в одной, то в другой семье. В пятнадцать лет поступил учеником каменотёса в мастерскую Стефана Высоцкого, мужа тётки Софьи. Стефан Высоцкий очень скоро воспитал в племяннике настоящего мастера с хорошо поставленной рукой. Мастерская дядюшки занималась изготовлением надгробий. Кстати, родовой склеп Рокоссовских на кладбище Повонзки сделан в мастерской Стефана Высоцкого именно в те годы, когда там ворочал гранитные плиты и работал скарпелью и троянкой юный Константин Рокоссовский. Когда мастерская дядюшки заполучила выгодный контракт на облицовку гранитными плитами пятисотметрового моста Николая II в Иерусалимских аллеях в Варшаве, каменотёсы работали день и ночь. Физический труд развил тело юноши. Кроме того, в этот период Рокоссов-

ский увлекался танцами. История Красной армии знает и ещё одного талантливого танцора — маршала Г. К. Жукова, который с юных лет так отдирали “русского”, что его удалю восхищались не меньше, чем его военными победами. Танец, как известно, учит владению телом, как никакие другие физические упражнения. Потому и рубакой Жуков тоже был лихим. В выходные дни Рокоссовский продолжал регулярную и столь любимую им выездку на лошади. Тогда же, можно предположить, научился владению кавалерийской шашкой, овладел тонкостями сабельного боя. Иначе трудно представить, каким образом необученный охотник, неделю назад зачисленный в эскадрон, зарубил немецкого улана. А ведь тот первым бросился на русского драгуна, значит, чувствовал свою силу и был уверен, что одолеет противника. Но наскочил на смертельный удар более сильного и уверенного.

Спустя десятилетия, размышляя о солдатском долге и пройденном пути, о кавалерии и её значении, маршал скуповато отметит: “...я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошёл хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса”.

Что ж, именно здесь следует заметить, что опыт Первой мировой (в советской историографии — империалистической) войны автором “Солдатского долга” был сознательно изъят из пережитого. Теперь об этом можно лишь сожалеть. Маршал отсёк целый кусок своей жизни, сделав это, по всей вероятности, намеренно, чтобы книга легче миновала рогатки военной и партийной цензуры и поскорее — пока он жив — увидела свет. А ведь дорога к Красной площади, к маю 45-го, к триумфальному в его военной карьере Параду Победы началась в Варшаве 14-го с драгунской шашки под Ново-Мястом и пролегла через окопы под Ригой и на Западной Двине.

Представление к награде Георгиевским крестом пошло по команде. Но в конце августа в штаб 5-го Каргопольского драгунского полка поступило распоряжение из штаба дивизии: “...список возвратить для пересмотра и вторичного представления согласно личным указаниям начальника дивизии”.

Документы, как сейчас говорят, доработали и снова направили в штаб дивизии. 28 октября 1914 года командующий 9-й армией генерал от инфантерии П. А. Лечицкий, наконец, подписал приказ, в котором в списке нижних чинов, награждённых солдатским Георгиевским крестом 4-й степени, за № 6 значился драгун 6-й сотни “охотник Константин Рокоссовский”. Подлинник этого приказа ныне хранится в Российском государственном военно-историческом архиве. И мы можем убедиться, что описание подвига претерпело лишь небольшую стилистическую правку с целью уплотнения текста: “Будучи дозорным в разъезде, выйдя в д. Ястржем, наткнулся на неприятельскую засаду, был окружён противником, но, зарубив немецкого кавалериста, пробился к своей части и предупредил её о засаде”.

Пята кавалерийская дивизия почти не выходила из боёв. Её полки как наиболее надёжные и боеспособные бросали с фронта на фронт, с одного угрожаемого участка на другой. В конце 1914 года 5-й Каргопольский драгунский полк, понёсший наиболее значительные потери, отвели во второй эшелон на отдых. Эскадроны расквартировали в одной из деревень под Варшавой. Варшава тогда ещё оставалась в руках русской армии.

Рокоссовский получил краткосрочный отпуск домой. Повидался с сёстрами и роднёй. Старшая, Мария, к тому времени вышла замуж. С нею он виделся в последний раз. Хелену ещё встретит, ещё обнимет её. Судьба подарит им несколько долгожданных свиданий. Ближайшее — через тридцать лет. А вот Мария исчезнет. Она словно облачко растворится в тучах революции и гражданской войны. Ни судьбы, ни могилы её никто из родни так и не узнает.

А тогда, в январе только что наступившего 1915 года они были счастливы. Вспоминали родителей, свой дом и те радости, которыми радовались когда-то и которым, казалось, не будет конца...

Отпуск закончился скоро. Все деньги, которые у Рокоссовского скопились за это время, включая прибавку к наградам, он с удовольствием потратил на сестёр.

Биографы маршала пропустили весьма важное из раннего периода жизни Рокоссовского — была ли у него в это время любовь. И кто она, если была. В мемуарах самого маршала об этом тоже ни слова. Врождённая скромность и культура, воспитанная в семье и впитанная с ранних лет в той среде, в которой он рос и познавал жизнь, не позволяла ему рассказывать о своих женщинах. Даже о девушке, которая, по всей вероятности, всё же была, он промолчал. Сразу замечу: впоследствии так же молчаливо канет в неизвестность и роман с актрисой Валентиной Серовой.

Летом 1915 года дивизия занимала линию обороны восточнее Вильнюса. Полки перебросили с Юго-Западного фронта на Западный, в район Поневеж-Шавли. Кавалеристы, казалось, окончательно превратившись в пехоту, сидели в глубоких сырых окопах. Для русской армии удачи первого года войны сменились рядом поражений в Восточной Пруссии и Галиции. Австро-германские войска значительно усилились резервами и предприняли масштабную операцию: ударами из Восточной Пруссии и Галиции прорвать фронт и окружить основные силы русской армии с целью выведения России из войны. Германии и её союзникам воевать против стран Антанты на два фронта становилось всё тяжелее и опаснее. Первый удар был обрушен на русскую армию.

К лету второго года войны русская армия после тяжелейших боёв оставила австрийскую Галицию, часть Прибалтики и русскую Польшу. Только благодаря этому маневру удалось избежать худшего — окружения и гибели войск. Гибель армии генерала Самсонова, отход армии генерала Ранненкампа, ухудшение снабжения, недостаток артиллерийских снарядов, губительные атаки, не обеспеченные огнём тяжёлого вооружения, — всё это угнетало солдат дерущейся армии. Генерал А. И. Деникин впоследствии писал: “Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии — отступление в Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день — кровавые бои, изо дня в день — тяжкие переходы, бесконечная усталость, физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...”

Эту горькую чашу неудач испил и 5-й Каргопольский полк, а с ним и наш герой.

Весна с её трудными отходными манёврами миновала. Казалось, всё начиналось сначала. Противоборствующие стороны основательно зарылись в землю по новой линии образовавшегося фронта и вели позиционные бои. Как правило, схватки происходили по всей линии соприкосновения и носили характер боёв местного значения, что, однако, не исключало их ожесточённости и кровопролитности.

В июле 5-й Каргопольский полк участвовал в одной из таких частных операций. Командование предприняло серию атак при интенсивной поддержке артиллерии. Артподготовка, затем кавалерийская лава, артналёт и — снова драгуны летели к немецким окопам, пока их шальной галоп не осаживали пулемёты противника. Немцы укрепились основательно, и все попытки выбить их со станций Трашканы заканчивались новыми и новыми потерями для атакующих.

И тогда в штабе полка приняли решение: небольшой группой надёжных людей из числа добровольцев под покровом ночи проникнуть в расположение неприятеля, захватить участок окопов, закрепиться и держаться, сковывать противника до подхода основных сил.

Среди добровольцев, тщательно отобранных в ударную группу для ночного рейда, оказался и драгун Рокоссовский.

Ночью пятеро храбрецов — “*Пять — против тридцати!*” — скрытно подобрался к немецкой траншее, ворвались в неё. Пустили в ход штыки и тесаки.

Вскоре взвод за взводом в траншею перебрались поднявшиеся в наступление эскадроны. Захваченный плацдарм тут же расширили. Закрепились.

Утром немцы контратаковали. Но эскадроны, установив по флангам пулемёты, отбили и первую, и вторую атаки, и все последующие.

Все участники ночной атаки, в том числе и Рокоссовский, были награждены Георгиевскими медалями “За храбрость”. Рокоссовский — медалью 4-й степени.

Так же, как Георгиевский крест, Георгиевская медаль “За храбрость” имела четыре степени. 4-я и 3-я степени — серебряные. 2-я и 1-я — золотые. К ним полагались награды: за 4-ю степень — 12 рублей годовых доплатительно к жалованию; за 3-ю — 18 рублей; за 2-ю — 24 рубля; за 1-ю — 36 рублей. При получении Георгиевской медали высшей степени прибавка к жалованию определялась по последней.

За Георгиевские кресты платили в три раза больше.

По смерти кавалера его вдова получала из казны ещё год причитающиеся погибшему деньги.

В перечне льгот для награждённых значились: запрет на телесные наказания, сохранение звания при переходе в гвардейские части, а также ускоренное производство в чин. К примеру, кавалер четырёх Георгиевских крестов тут же производился в подпрапорщики.

Для Рокоссовского, по всей вероятности, уже тогда стало определяться его будущее — оно виделось ещё смутно, но уже явно в кавалерийской шинели, в высоких сапогах со шпорами и на лихом коне. Награды приближали мечту и делали её более определённой и реально зримой.

В мае 1916 года он получил очередную награду — Георгиевскую медаль “За храбрость” 3-й степени.

К тому времени эскадроны, казалось, окончательно спешили и загнали в глухие окопы. Полк стоял на реке Дубице. На фронте установилось продолжительное затишье. Лишь изредка оно нарушалось артиллерийскими дуэлями, да лазутчики то одной, то другой стороны утаскивали друг у друга “языков”.

Осенью 1916 года полк ввиду больших и уже невосполнимых потерь в личном составе из шестиэскадронного переформировали в четырёхэскадронный. В дивизию прибыл новый командир — генерал Скоропадский. Со всем скоро, когда империи поразит великая смута и братская взаимная ненависть, он займётся украинизацией подвластных ему частей, провозгласит Украинскую державу и примет титул Его Светлости Ясновельможного Пана Гетмана Всея Украины.

Осенью 1916 года Каргопольский полк сменила в окопах пехота. А драгун снова посадили на коней и отвели в ближний тыл. После короткого отдыха и приведения себя и конского состава в порядок объявили, что на днях в расположение придёт сам государь император. Николай II к тому времени возложил на себя обязанности главнокомандующего, сменив на этом посту своего дядю Николая Николаевича, и объезжал со своим штабом войска.

Вот что отметил в своих мемуарах генерал Тюленев, служивший с Рокоссовским в одном полку: “Стояла дождливая осень 1916 года. Наш полк сменила в окопах пехота. Мы же готовились к торжественной встрече самодержца, который принял на себя верховное командование. По этому случаю в частях служились молебны о даровании русскому воинству победы.

Две недели мы лихорадочно готовились к встрече царя: выводили вшей, чистили амуницию, снаряжение и втихомолку проклинали Николая, суматоху, вызванную его предстоящим приездом.

В один из погожих осенних дней царь прибыл на фронт. Под Двинском был назначен большой парад войск 5-й армии, которой командовал генерал Плеве.

Полки вывели на гладкую, как плешь, равнину. Конницу в составе двух дивизий построили во взводно-резервных колоннах.

Выезжая на парад, мы шутивно перемигивались:

— Посмотрим, какой он из себя — наш бог на расейской земле.

Вдали показалась вереница автомобилей.

С правого фланга перекатами донеслась до нас команда “Равнение направо”. Появилась группа всадников. Она манежным галопом подъезжала к правому флангу. Впереди скакал Николай Второй. Рядом с ним — министр двора Фредерик и командующий 5-й армией Плеве.

Прозвучало тихое, неуверенное, картавое:

— Здорово, дети-каргопольцы!

Бледное, болезненно-испитое лицо царя-полковника, щуплая фигурка, вялость в движениях, штатская посадка на коне разочаровали даже тех, кто последние дни не ел, не пил — скорее бы увидеть самодержца всея Руси.

— Ну и папаша, ну и отец... — подталкивали мы локтями друг друга. — Теперь понятно, почему Гришка Распутин да немцы, дружки царицы, управляют страной. Да какой же из него главнокомандующий? Пропала матушка-Россия!

Шли месяцы, а конца войне не было видно. Позиции, окопы, гнилая вода под ногами, стужа...

Наступал 1917 год.

По окопам поползли слухи о дворцовом перевороте, об убийстве Распутина, о бунте матросов на Балтике.

Солдаты чутко ко всему прислушивались, ждали больших перемен, хоть и не знали, с какой стороны они придут”.

Тон и стилистика мемуаров, разумеется, выдержана строго в духе того времени. Мемуарист писал (или диктовал), редакторы и Главпур потом правили. Что оставалось? Картавый государь да намёки на шашни царицы. Читатель, надеюсь, сам сумеет отшелушить наносное.

Войска дрались, по-прежнему удерживая фронт. В Петрограде тем временем бурлила и вскипала смута. В феврале произошли главные события, определившие и дальнейший ход истории страны, и судьбу нашего героя.

В мае 1917 года партизанский отряд, сформированный в полку специально для рейдов по тылам противника и для дерзких разведывательных вылазок, получил очередное задание: провести разведку вдоль Псковского шоссе. Действовали небольшими разъездами, в которые включали самых храбрых и опытных бывальцев. В один из таких разъездов напросился Рокоссовский. К тому времени он уже имел ефрейторское звание. В описании подвига, за который он получил Георгиевскую медаль “За храбрость” 2-й степени, читаем: “В ночь с 23 на 24 августа 1917 г. у м. Кроненберг вызвался охотником ехать в разъезд, высылаемый по Псковскому шоссе. Несмотря на тёмную ночь, когда противника можно обнаружить, только вызвав огонь на себя с явной личной опасностью, поехал в разведку и обнаружил наступление противника лесом по обе стороны шоссе”.

К тому времени царь уже отрёкся от престола, и войска присягнули Временному правительству.

Годы спустя генерал А. И. Деникин, в то время командующий 7-го армейского корпуса, напишет: “Многим кажется удивительным и непонятым тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи...”

Армия не почувствовала катастрофы. Солдаты, привыкшие верить своим отцам-командирам, присягнули, а по сути дела — отреклись от Государя и вековых устоев влед за своими офицерами и по их примеру. Генерал Деникин, вспоминая присягу в своём корпусе, писал в своих “Очерках русской смуты”: “...местами в строю непроизвольно кольхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слёзы”. И далее: “Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью — далеко не одних монархистов — это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжёлая жертва, приносимая во спасение Родины и во спасение армии”.

Текст новой присяги был вполне патриотичным, никакими потрясениями не угрожал: “Клянусь честью солдата и обязуюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему Отечеству...” Вновь назначенный Верховный Главнокомандующий — Великий князь Николай Николаевич — в своём первом приказе войскам говорил: “Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный Главнокомандующий, признал её, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямих начальников. Только так Бог даст нам победу”.

Однако не все столь безропотно подчинились обстоятельствам. Нашлись в русской армии офицеры, не пожелавшие присягать дважды. Генерал Ф. А. Келлер, первая шашка России, командир 3-го конного корпуса, отказался присягать Временному правительству. К нему срочно прибыл генерал Маннергейм, которому Келлер заявил: “Я христианин, и думаю, что грешно менять присягу”.

В 3-м конном корпусе генерала Келлера в те дни служил кавалер двух Георгиевских крестов унтер-офицер и будущий маршал Советского Союза, друг и соперник нашего героя Георгий Жуков.

О настроении же Рокоссовского намекнул в своих мемуарах однополчанин Тюленев. После присяги Временному правительству Юбилейный штандарт полка с вензелем отрекшегося императора был доставлен в Петроград “для выполнения работ по снятию вензеля”. В полку произошли и другие изменения. Но самым заметным стало ухудшение дисциплины. Солдаты всё меньше походили на солдат. Армия разлагалась.

В те дни революционно настроенные солдаты 5-го Каргопольского полка начали снимать с себя награды. Георгиевские кресты не имели царской символики, но на золотых и серебряных медалях “За храбрость” на аверсе был выбит барельеф Николая II. Носить такие награды стало не просто, как теперь говорят, непolitкорректно, но и опасно. Солдаты, пропитанные революционной злобой, особенно из числа эсеров и анархистов, а также тех, кто не имел наград, могли запросто сорвать ордена с груди, оскорбить, а то и пригрозить штыком. Георгиевские кавалеры попрятали знаки своей боевой доблести и солдатской чести в ранцы. Другие распорядились иначе.

Из воспоминаний генерала Тюленева: “Кто-то притащил мешок, и здесь же, на лужайке, в него посыпались георгиевские кресты и медали. Это был наш первый отклик на революционные события.

Отныне мы заботились главным образом о том, чтобы раздобыть газеты. Каждый день мы снаряжали на станцию посыльного, и он приносил всё, что удавалось там найти. Обычно это были зачитанные, уже прошедшие через многие руки газетные листы.

Так как газеты попадались разных партий — и кадетов, и меньшевиков, — события каждой из них толковались по-своему, оттого и сумбур в наших головах был ещё больший.

Однажды встречаю Константина Рокоссовского — он служил в нашем полку, только в другом эскадроне. Идёт мрачный. Остановились, закурили. Спрашиваю, как он смотрит на события. Оказывается, и у них в эскадроне тоже никто толком не поймёт, что же происходит в России”.

В войсках царило оцепенение. Словно рыба в воде чувствовали себя разве что активисты и агитаторы из различных партий, быстро наводнявшие окопы и казармы. А войско жило ощущением того, что царь, отрёкшись от престола, от ответственности за страну и своих подданных, попросту бросил их на произвол судьбы — их, своих сынов, кавалеров, героев, храбрецов, готовых ради него, ради веры и Отечества на всё.

Неизвестна судьба Георгиевского креста 4-й степени и трёх медалей “За храбрость”, которые своей кровью заслужил за три года войны Рокоссовский. То ли они упали в ту же торбу и были переплавлены в металл и обращены на пользу революции. То ли он их всё же сохранил тогда. Во время войны многие солдаты, офицеры и даже генералы носили свои Георгиевские кресты, например, маршал Будённый — у него был полный бант — или генерал Трубинов, тоже полный кавалер.

Вполне возможно, что свои награды Рокоссовский тогда сохранил. Могло случиться, что их обнаружили во время ареста и последующего обыска сотрудники НКВД в августе 1937 года. Но все документы, касающиеся ареста и допросов, затем оказались уничтоженными. Сам Рокоссовский о своих царских наградах не оставил никаких сведений.

В обстоятельствах подобной немоты намёк бывшего однополчанина о мрачном настроении Рокоссовского говорит о многом.

Вместе с самодержавием рушилась страна. Вскоре станет очевидным, что Временное правительство не в состоянии управлять делами бывшей империи.

Зараза разложения, как бубонная чума, охватит армию. Наступит хаос. Осенью, в октябре его прекратят большевики. Во всяком случае, им, победившим, тогда так казалось.

А что же наш герой среди этого хаоса? Он продолжал служить Отечеству, в какие бы флаги его ни пеленали.

Удивительно и другое.

Ещё в августе 1914 года Верховный главнокомандующий русскими войсками Великий князь Николай Николаевич приказал “собрать отряд из поляков и идти на помощь армии”. Вскоре в городке Ново-Александрия (Пулавы) был сформирован 1-й Польский легион. Легион хорошо показал себя в боях, и на его основе начали формировать Польскую стрелковую бригаду. В сражениях 1916 года бригада отличилась храбростью своих солдат и преданностью офицеров.

К тому времени царство Польское оказалось оккупированным германскими и австро-венгерскими войсками. На освобождённой от русского влияния земле создавалось Польское королевство под протекторатом победителей. Формировались национальные вооружённые силы: “Польская Сила Збройна” и “Польский вермахт”. У настоящих поляков существовало два пути: на родину, в Польское королевство, в “Польский вермахт”, или в Польскую дивизию, которая в то время по приказу командующего Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова формировалась на базе бригады.

В Польской дивизии, дислоцированной в Киеве, царствует польский язык. На параде войск киевского гарнизона в марте 1917 года полки дивизии проходили под польскими знамёнами и с национальной символикой. Уланский полк дивизии, принимая новую присягу, клянётся в верности и неизменной преданности не “Российскому государству как своему Отечеству”, а свободной и объединяющейся Польше.

Более того, во всех войсках, дислоцированных на территории России от Киева до Владивостока, создаются “союзы военнослужащих-поляков, которые ставят целью создание польских вооружённых сил и борьбу за независимость страны”. Генерал-лейтенант Сильвестр Станкевич начал формировать Польский корпус с намерением в перспективе развернуть его в Польскую армию. Впоследствии части 1-го, 2-го и 3-го Польских корпусов, сформированных в России, придут в Польшу и волеются в создаваемые вооружённые силы Польши. Очень скоро, в 1919 году начнут боевые действия против Советской России, Литвы и Украинской Народной Республики. В польских дивизиях будет много солдат и офицеров, которые совсем недавно носили погоны русской армии и которых водили в бой русские офицеры. Впрочем, и офицеров-поляков в русской армии было предостаточно.

В царской армии, вступившей в Первую мировую войну, служило 700 000 поляков, среди них 20 000 офицеров и 119 генералов.

Сколько возможностей открывалось для юного драгуна для исполнения патристического долга перед родной Польшей, “свободной и объединяющейся”! Какая благодатная почва для юного самолюбия, уже вкусившего военной службы во всех её проявлениях и полюбившего её!

Многие поляки, служившие в 5-й кавалерийской дивизии, так и поступили, и вскоре щеголяли в новой униформе с нашивками польских частей, гордо маршируя под национальными знамёнами. Среди них был и двоюродный брат Константина Франц Рокоссовский, однополчанин, служивший в 6-м эскадроне.

Франц поступил в польский легион, дислоцированный в Белоруссии. Затем оказался в Польше. Служил в полиции Второй Речи Посполитой. Во время немецкой оккупации 1939–1945 годов продолжал полицейскую службу. После освобождения Польши, как ни странно, его не тронули. Видимо, никаких преступлений за ним не числилось. Жил во Вроцлаве. Когда маршала Рокоссовского назначили министром национальной обороны Польской Народной Республики и присвоили звание маршала Польши, Франц тут же попытался связаться с ним. Но известно, что ему позволили обратиться к своему высокопоставленному братеннику лишь письменно. По словам Хелены, Франц просил маршала подтвердить их родство. Франц любил прихвастнуть

перед соседями, да и местное начальство стал донимать своими визитами, во время которых многозначительно намекал: мол, его брат теперь ни много ни мало — министр! Никаких сведений о том, откликнулся ли маршал на просьбу родственника и бывшего однополчанина, не сохранилось.

Ни в 17-м, ни позже зов родины не разбудил в Рокоссовском ответного патриотического порыва, на что польская кровь, надо признать, была всегда весьма отзывчива. После же советско-польской войны 1919–1921 годов и похода армий Юго-Западного фронта на Варшаву о своём польском происхождении будущему маршалу благоразумней было и вовсе помалкивать.

Однако в Войско Польское он ещё вернётся.

Глава третья

ДАУРИЯ

В Забайкалье, в распадках и долинах Даурии Рокоссовскому выпало драться с частями Азиатской конной дивизии барона Унгерна.

Летом 1921 года Рокоссовского назначили на 35-й кавалерийский полк. Полк входил в состав 35-й стрелковой дивизии 5-й армии, действовавшей в Забайкалье на границе с Монголией.

В это время бывший есаул 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска барон Унгерн с Азиатской конной дивизией пересёк монгольско-советскую границу и начал свой освободительный поход вглубь Советской России. Свои туземные сотни “забайкальский крестоносец” вёл под знамёнами возрождения империи Чингисхана. Странная это была личность в истории войн и междоусобий, загадочная, противоречивая, жестокая.

Генерал Врангель, знавший Унгерна по боям и походам Первой мировой войны, оставил о нём довольно живые воспоминания, содержащие весьма точную и глубокую характеристику: “Он живёт войной. Он не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только не знает самых элементарных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины, и против военного воспитания; это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков своей сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека, совершенно от них оторвавшегося. Оригинальный острый ум и рядом с ним — поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость, не знающая пределов расточительность... этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты... и с прекращением смуты он неизбежно должен был исчезнуть”.

“Дикий барон” даже одевался экзотически: на золотом монгольском халате, затянутом португеей, были нашиты генеральские погоны со знаками войска атамана Семёнова. На груди — офицерский Георгиевский крест. Его всадники на погонах имели “Знак Чингисхана” — “лунную”, то есть серебряную свастику, повторяющую изображение на банкнотах Временного правительства. Он имел княжеский титул “цин-ван” и женился на маньчжурской принцессе “династической крови”. Монголы называли его “Белый Бог Войны”. Он мечтал создать духовно-военный буддийский орден, вдохнуть в него могущество и освободить Россию и Европу от большевизма и марксизма. Но всё закончилось крахом и безумием крови.

В те годы по земле бродило много великих и безумных идей и проектов. Осуществлена была только одна — большевистская.

Азиатская дивизия хлынула в Даурию двумя потоками. Один возглавлял сам “крестоносец” и пират пустыни, другой — генерал Резухин, который, по версии некоторых биографов Унгерна, и был действительным мозгом дивизии, разрабатывал основные операции и руководил ими.

Вторая бригада генерала Резухина состояла из двух конных полков, командовали ими полковник Хоботов и сотник Янков. Кроме того, бригада имела усиление: артиллерийскую батарею, пулемётную команду, монголь-

ский дивизион и японскую роту. Всего — 1510 солдат, четыре орудия и десять пулемётов.

При переходе советско-монгольской границы генерал Резухин имел задачу: от станции Цежинской левым берегом реки Селенги действовать в направлении на Мысовск и Татаурово, громить красные тылы, взрывать мосты и тоннели.

Бригада Резухина отличалась собранностью и дисциплиной. Она разбила несколько красных отрядов и двинулась дальше вдоль железной дороги. 2 июня 1921 года близ станции Желтуринской на советско-монгольской границе Резухина перехватили эскадроны кавалерийского полка Рокоссовского и партизанского отряда Щетинкина. Оба эти подразделения входили в состав 35-й стрелковой дивизии, задачей которой было охранять “участок границы от возможных нападений с юга и закрыть её на крепкий замок”.

Ещё весной Рокоссовский установил связь с союзниками — красномонгольскими отрядами Сухэ-Батора. С тех пор штаб Главкомандующего монгольской революционной армии регулярно оповещал его о передвижении частей Азиатской дивизии Унгерна. Кроме того, разведотдел кавполка активно работал с местными жителями, а они, как известно, знали всё, что происходило в округе.

Полк стал хорошей школой для будущего маршала. Рокоссовский постоянно импровизировал. Вводил в заблуждение противника, предпринимал ложные удары, а тем временем основные силы бросал на оголённый неприятелем участок. Чувствуя успех, энергично развивал его, вводя резервы. Атаковал противника на марше, когда он не имел возможности развернуть свои силы и построиться в боевой порядок.

Бригаду генерала Резухина кавалеристы 35-го полка обескровили в нескольких сшибках. Рубились шашками в ближнем бою. Рокоссовский, имея точные разведанные и зная маршруты движения казаков, налетал на противника неожиданно, сметал мощным ударом, преследовал до полного уничтожения. Перехватывал вестовых от генерала к барону Унгерну. Когда Резухин понял, что через несколько дней столь интенсивных боёв его бригада ляжет под клинками 35-го полка красных, он изменил маршрут движения своей конницы и увёл её остатки туда, откуда пришёл, — в Монголию.

В одном из последних боёв, во время рубки главных сил 35-го полка с офицерскими сотнями и забайкальскими казаками Рокоссовский был тяжело ранен: в пылу схватки конь вынес его на линию пулемётного огня противника.

В госпитале в Мысовске (по другим сведениям — в Троицкосавске) врачи определили сквозное пулевое ранение правой ноги с переломом берцовой кости. Рокоссовский понял, что на этот раз скоро, как после револьверной пули под станцией Караульной, из больничной палаты не выбраться. Так и случилось: он пролежал в госпитале около двух месяцев. Там же, в палате для выздоравливающих, он получил свой второй орден Красного Знамени.

И здесь биографы маршала предлагают две версии завершения госпитальной истории Рокоссовского.

По одной из них недолечившийся кавполк при приближении к Мысовску авангардов прорвавшихся через границу основных сил барона Унгерна потребовал срочной выписки. Прибыв в полк, сразу же ознакомился с последними разведанными и бросил свои эскадроны навстречу Азиатской дивизии. Вместе с 35-м кавполком по-прежнему действовал партизанский отряд Щетинкина. Партизаны и добились Унгерна. В стане диктатора Монголии к тому времени созрел заговор. В августе 1921 года после неудачного похода в Даурию заговорщики из числа белого офицерства застрелили генерала Резухина и увели часть сил на восток, в Приморье, к атаману Семёнову. Унгерн снарядил погоню, чтобы перехватить беглецов и расправиться с ними, но те встретили его огнём. О дальнейшей судьбе “нового Чингисхана” один из его биографов пишет: “Барон вернулся к монгольскому дивизиону, который, в конце концов, его арестовал (в ночь на 22 августа 1921 года) и выдал красному добровольческому партизанскому отряду, которым командовал бывший штабс-капитан, кавалер полного банта солдатских Георгиев П. Е. Щетинкин”.

По другой версии, более героической, Рокоссовский, узнав о приближении Унгерна к Мысовску, создал из тыловых частей и выздоравливающих отряд и повёл его навстречу Азиатской дивизии. Вскоре из Монголии из района Урги (ныне Улан-Батор) подошли основные силы красноармейцев и вытеснили войско “дикого барона” назад в Монголию. Во время преследования отряд Рокоссовского соединился с 35-м кавполком. 22 августа эскадрон авангарда захватил стоянку неприятеля, при этом в одной из палаток (по другим сведениям, на дороге) обнаружили связанного и раненого барона Унгерна. Когда об этом доложили Рокоссовскому, он распорядился препроводить пленника в штаб корпуса.

При переходе границы барон Унгерн был уверен в успехе своего похода. Он рассчитывал на растущую мощь антибольшевистских выступлений, охвативших Россию от Кронштадта до Тамбовщины и Западной Сибири, на то, что его марш станет катализатором всеобщего восстания. Лазутчики с той стороны границы приносили ему сведения о том, что в станицах и городах Даурии, Бурятии и всей Сибири готовятся восстания, что недовольные советской властью ждут только сигнала.

Пятнадцатого мая 1921 года, выступая из Урги в свой безумный поход, диктатор Монголии издал приказ, вступительная часть которого содержала в себе своего рода манифест:

“Я начальник Азиатской Конной Дивизии, генерал-лейтенант барон Унгерн, сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии — особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по её составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплочённой империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего руслу народной мысли и надежд.

Народ, руководимый интеллигенцией как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в глубине души своей преданность вере, царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасываясь от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя.

Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу.

1905 год, а затем 1916—1917 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы.

Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими.

Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца.

Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые”.

И далее имя для своего знамени называется — “законный хозяин Земли Русской ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, видевший шатанье народное и словами своего ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского”.

Михаила Александровича Романова к тому времени уже давно не было в живых. Он был расстрелян летом 1918 года близ Перми сотрудниками местной ЧК и милиции. Но похоже, создатель духовно-военного буддийского ордена нуждался только в имени, в звуке его, а плотью идеи освободительного похода вглубь России видел себя самого.

Как все идеалисты, Белый Бог Войны был жесток, и дела его кровавы. К примеру, пункт 9-й приказа гласил: “Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Всё имущество их конфисковывать”.

Рокоссовский и его боевые товарищи, пропитанные совершенно другими идеями, дрались с отчаянной храбростью. Их лозунги были просты и смысл их желанен: “Земля — крестьянам!”, “Заводы — рабочим!” Большевики обещали мир и хлеб трудовому народу, прекращения эксплуатации человека человеком. Во всё это свято верил и наш герой. Вот почему рука его твёрдо сжимала эфес шашки, а мысль, увлечённая тем, как лучше, рациональнее построить порядки полка и лучше провести бой, ясна и гибка.

В аттестации Рокоссовского появилась следующая запись: “Обладает твёрдой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчинённым, равно как и к себе, требователен. Военное дело любит... Награждён двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать его на курсы. Должности комполка вполне соответствует”.

Блестящая аттестация открывала перспективу дальнейшего служебного роста.

С набегами Азиатской дивизии вскоре было покончено. После пленения барона Унгерна дивизия растворилась, исчезла в монгольской степи. Но долго ещё бродили по Даурии и Бурятии мелкие отряды. Некоторые из них впоследствии ушли в Харбин. Другие стали промышлять разбоем и превратились в хунхузов.

Глава четвёртая

КЯХТИНСКИЙ ЗЯТЬ

Война войной, а молодость своё берёт...

Солдат на войне тоскует по мирному времени, по семье и дому. И больше всего мечтает о встрече с любимой. Даже если её и не было в его жизни.

Дом и семья для Рокоссовского стали чем-то нереально далёким. Даже родная Варшава осталась в прошлом и, по всей вероятности, не волновала так, как волнуют человека мысли о родине. Почти семь лет не слезал он с боевого коня — одна война, другая... Накопилась душевная усталость.

Осенью 1921 года, когда полк отвели на отдых и переформирование в большое волостное село Залари близ Иркутска, Рокоссовский влюбился в местную барышню по имени Мария.

Была та Мария (в семье Мака) младшей дочерью местного купца Курсанова. Курсанов скопил приличное состояние, семья его жила в довольстве, в хорошем собственном доме. Не жадничал Курсанов и на общественные нужды — вкладывал немалые деньги в ремонт местной Никольской церкви, помогал в строительстве двухклассного училища и обеспечении учебного процесса всем необходимым, создал в Заларях первую общественную библиотеку. Общество его уважало, и в смутные годы гражданской войны никто из местных и пришлых не посмел тронуть как социально чуждых ни самого купца Курсанова, ни его семью. Так и жили Курсановы в своём имении в Заларях.

Когда в селе был расквартированы красные кавалеристы, штаб с согласия хозяина разместился в курсановском имении. Благо, построек там хватало.

Маке только-только исполнилось двадцать лет. Она пребывала в той поре, когда в женщине всё неотразимо-прекрасно. Местные хроники запечатлели это событие в следующей версии: “Старожилы вспоминают, что высокий статный кавалерист, затянутый кожаными ремнями и с орденом на груди, и не менее статная барышня, знавшая несколько языков и прекрасно музицировавшая на рояле, вместе смотрелись весьма эффектно. Классовое происхождение пассии не смущало бывшего рабочего Костю Рокоссовского. Во всяком случае, на работниц и крестьянок он “не клевал”.

Как развивался и чем закончился заларинский роман Рокоссовского, читаем в тех же хрониках: “Но неожиданно конкуренцию Рокоссовскому составил его ровесник Владимир Забельский, который был командиром полкового артиллерийского транспорта. Как развивались события в этом любовном треугольнике, история умалчивает, но Мария, в конце концов, предпочла начальнику подчинённого. Она вышла за Забельского замуж, но соперники остались друзьями”.

Ну что ж, не всё воину победа.

Забегая вперёд, скажу: в 37-м их арестуют почти одновременно; Рокоссовский выйдет из заключения спустя три года с небольшим, а его бывший боевой товарищ будет расстрелян по приговору “тройки” в 1938 году в Иркутске, где до ареста он работал заведующим конным парком местного медицинского санатория.

Любовная неудача печалила молодого краскома недолго. Вскоре полк перевели в Кяхту — торговую слободу города Троицкосавска.

Кяхта, конечно, не Варшава. Но развлечений в городе было достаточно, чтобы не скучать в одиночестве в свободные от службы часы.

Эскадроны несли службу вдоль семидесятикилометрового участка границы. Расквартированы они были в населённых пунктах небольшими гарнизонами. Помимо службы, кавалеристы строили дороги, мосты, заставы, создавали систему полевых укреплений. Прибывало пополнение — как правило, из местных жителей. Крестьянские дети. Их надо было обучить азам военного дела, владению и оружием, и собой в возможном бою. Рокоссовский появлялся то одном гарнизоне, то в другом, постоянно объезжая свой семидесятикилометровый участок.

В это время он уже командовал 27-м кавалерийским полком.

Из автобиографии 1940 года: “В октябре 1921 года переведён командиром 3-й бригады 5-й кубанской кавалерийской дивизии. В октябре 1922 года в связи с реформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавполка этой же бригады”.

Дело в том, что с окончанием гражданской войны проводилась, можно сказать, повальная демобилизация. Такую огромную армию страна с полуразрушенной экономикой, до оснований потрясённая двумя войнами и революцией, содержать не могла. Хлеборобы возвращались к плугу и земле, рабочие — к станкам. Однако молодой Советской России для защиты своих завоеваний и рубежей нужна была и армия. В ней оставляли самых лучших, кто сумел зарекомендовать себя делом в боях и походах. Если рядовые красноармейцы легко расставались с винтовкой и подсумком и с радостью возвращались домой, к семьям, то красные командиры демобилизации не радовались. Они знали, что дома их ждала разруха и скудный паёк. Здесь же, в войсках — на полном обеспечении...

Случались дни, когда Рокоссовский после очередной поездки в дальний гарнизон или работы в штабе полка выбирался то в городской театр, то седлал Орлика и объезжал кяхтинские и троицкосавские улицы и переулки, таким образом знакомясь с городом и его достопримечательностями. Раненая нога ещё побаливала. Ходил с палочкой. Но на Орлике путешествовать было легко.

Особенно полюбил он местный театр, не пропускал ни одной премьеры.

Однажды во время очередного театрального выхода обратил внимание на группу девушек. Во время антракта шумной, яркой стайкой они буквально вылетели в фойе и принялись что-то живо и горячо обсуждать. Одна из них, оглянувшись, так и обожгла его огнём своих чёрных глаз. Когда спектакль закончился, он снова отыскал её в толпе и долго наблюдал. И она, будто почувствовав его пристальный взгляд, снова оглянулась. Всё повторилось.

Покоя не стало. Ещё не зажила рана после неудачи с красавицей Макой, а тут новая...

Просто подойти и познакомиться, как это было принято в то время, пренебречь условностями старого мира с его громоздким этикетом, ему мешала врождённая скромность и, пожалуй, некая робость перед противоположным полом.

Навёл справки: учительница женской гимназии, двадцати одного года, незамужняя, живёт в торговой слободе в частном доме у родителей.

Так и ходил в театр, чтобы посмотреть на свою избранницу издали, обмениваясь взглядами. В свободные часы седлал Орлика и с независимым видом проезжал мимо заветного дома, втайне надеясь, что там колыхнётся шторка, отведённая девичьей рукой...

Шторка и вправду колыхалась, но у окна появлялись то мать черноглазой учительницы, то отец. “Юля, иди скорей! — окликал дочь кто-либо из родителей, первым заведший знакомого всадника на мостовой. — Опять твой рыцарь едет!” И так — почти год. Вот тебе и “энергичный, решительный”, обладающий “лихостью, хладнокровием”. И при этом, надо признать, никакого “проявления полезной инициативы”...

Измучил и себя, и девушку. Делу помог случай. Сослуживец Рокоссовского вовсю ухаживал за одной из подруг Юлии. Преодолевая неловкость, комполка попросил его познакомить с черноглазой учительницей. И тот, не медля, не видя никаких препятствий, тут же с радостью исполнил просьбу своего боевого товарища.

Юлия Петровна потом рассказывала: “Первое, что поразило меня, — это его застенчивость, его, я бы сказала, рыцарское отношение ко мне, к девчонке”.

Теперь жених оставил Орлика и ходил провожать учительницу пешком. Вот только немного прихрамывал.

Когда влюблённые решили пожениться, родители Юлии восстали единым фронтом: “Ты с ума сошла! Он — военный! А военные — как цыгане! Сегодня здесь, завтра там! Завезёт тебя куда-нибудь, да и бросит!”

Отношения, между тем, продолжались. В мае 1923 года Константин Константинович Рокоссовский и Юлия Петровна Бармина официально зарегистрировали брак в Кяхтинском загсе.

Следует заметить, что в то время поощрялись гражданские браки. Семья с её вековыми устоями и традициями трещала по швам и распадалась на свободных от всяких обязательств людей. Уместно напомнить и о том, что, к примеру, будущие полководцы Жуков и Конев своих первых жён в загс не повели, но зарегистрировались со вторыми сразу же, как только получили свободу от первых.

Константин Константинович и Юлия Петровна проживут вместе сорок пять лет. Семейная жизнь их сложится в общем-то счастливо, хотя судьба протачит через череду испытаний, в том числе верностью и неверностью. Но всё же не разлучит. Они будут любить друг друга до самой смерти. Он будет называть её Люлей. Она переживёт его на восемнадцать лет и уйдёт из жизни в 1986 году.

Глава пятая

1937-й

Жизнь и служба, казалось, окончательно вошли в определённое русло, и ничто не предвещало...

В Пскове Рокоссовские устроились хорошо. Обстоятельства, наконец-то, позволили позаботиться о семье. Жили в отдельной квартире. Юлия Петровна устроилась на работу, дочь Ариадна пошла в школу, Константин Константинович с утра до вечера находился на службе. Забот было много. Подтягивал тылы, по поводу чего получил пометку в последней аттестации.

А между тем та аттестация действительно едва не стала последней не только в его службе, но и в жизни...

Ещё в июне 1937 года, сразу после арестов в округах, из Забайкалья в Москву на имя наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова пришло письмо: “Считаем совершенно необходимым серьёзно проверить через органы НКВД следующих лиц из состава войск Забайкальского военного округа по подозрительным связям с контрреволюционными элементами:

1. РОКОССОВСКИЙ К. К. — быв. командир 15 кавдивизии, ныне командир 5-го кавкорпуса, был тесно связан с Чайковским и Горбуновым. Поляк. Требуется серьёзная проверка социального происхождения. Имел тягу на заграничную работу...

Комвойсками ЗабВО комкор Грязнов.

Член Военного Совета ЗабВО корпусной комиссар Шестаков”.

Несколько забегая вперёд, скажу, что бдительное командование Забайкальского военного округа в лице комкора Грязнова и корпусного комиссара Шестакова будет арестовано очень скоро и затем, как тогда водилось, неминуемо расстреляно.

В мае органы НКВД запустили в работу масштабную операцию по раскручиванию заговора военных. Началось так называемое “Дело Тухачевского”. Были арестованы многие командующие военных округов, командармы, командиры корпусов и дивизий, работники штабов. Командармы 1-го ранга, командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир и командующий Белорусского военного округа И. П. Уборевич. Немногим раньше арестовали командующего войсками Уральского военного округа комкора И. И. Гарькавого. Осенью — командующего войсками Забайкальского военного округа командарма 2-го ранга М. Д. Великанова. Бывшего начальника Ленинградских кавалерийских курсов, а теперь — заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа комкора В. М. Примакова. Начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА комкора Б. М. Фельдмана. Военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании комкора В. К. Путну. Председателя Центрального совета Осоавиахима комкора Р. П. Эйдемана. Первый заместитель наркома обороны, начальник Политуправления РККА комкор Я. Б. Гамарник, предупредив свой арест, успел воспользоваться личным оружием и покончил с собой. Приговор арестованным, а затем осуждённым был вынесен 11 июня 1937 года. Всех обвиняемых признали виновными в “организации военного заговора с целью захвата власти” и в тот же день расстреляли.

Спор о виновности и невиновности казнённых до сих пор остаётся одним из самых ожесточённых в нашей отечественной историографии, а тема “военно-троцкистского заговора” — самой загадочной темой довоенного периода истории РККА.

Не дерзая усилить какую-либо из спорящих сторон, приведу всё же не менее странное выступление на суде одного из приговорённых этого загадочного процесса. Текст выступления принадлежит комкору Виталию Марковичу Примакову.

Человек исключительной храбрости и жестокости, авантюрист, член партии большевиков с 1914 года, во время гражданской войны он сформировал корпус “Червоных казаков”, слава которого была не меньше Первой конармии Будённого. Убеждённый сторонник Троцкого, в середине 20-х годов служил советником в Китае, носил фамилию Лин. “Год спустя, — как пишут его биографы, — под видом “кавказского турка” Рагиб-бея командовал отрядом, который должен был восстановить на троне давнего союзника Красной Москвы афганского эмира Амманулу-хана, свергнутого в ходе дворцового переворота. Отряд Примакова с минимальными потерями взял с боем город Мазари-Шариф, северные ворота страны, но потом вынужден был повернуть назад, ибо эмир покинул страну”. Затем Примаков служил в качестве военного атташе в Японии, учился в академии Генерального штаба в Германии. Был прекрасным литератором, писал стихи и прозу. Недавние публикации в прессе недвусмысленно свидетельствуют в пользу того, что последняя жена “кавказского турка” — небызвестная Лиля Брик — “с 20-х годов работала осведомителем в ОГПУ”, что именно по её наводке Примаков и попал под стебло. Причём самым первым — его арестовали ещё в 1936 году.

Что ж, такие, как Виталий Маркович, действительно были способны на многое. Сталин их опасался, по всей вероятности, не напрасно. Таких сломить было трудно и, пожалуй, невозможно.

Что же этот железный “кавказский турок” сказал на суде, вполне отдавая себе отчёт в том, что это, скорее всего, его последние слова?

“Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре, — заявил Примаков судьям. — Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш — ни по цели, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы; всё, что было контрреволюционного в Красной армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какое средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменить фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т. е. из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...”

Последнее слово Примакова — документ странный. С одной стороны, в нём сквозит, так сказать, дух эпохи, а именно работа следователей, убедивших своего подследственного сказать то-то и то-то. С другой стороны, многое из сказанного перед смертью — правда.

Кроме того, *слово* Примакова какой-то смутной болью тревожит и нынешнее сознание среди уже нынешних событий...

Нашему герою, уроженцу Варшавы, опасность несла последняя мысль обречённого. В это время ведомство наркома Н. И. Ежова активно разрабатывало дело “Польской организации войсковой”, вскрывало шпионскую агентурную сеть польской разведки. По данным НКВД, польскими шпионами буквально наводнены Сибирь, Дальний Восток, все военные округа. Помните донос Грязнова и Шестакова? Эти двое сразу сориентировали наркома: “Поляк...”

Во всех анкетах вплоть до 1945 года, когда маршалу, дважды Герою Советского Союза, назначили новое место рождения (для установки бюста), в графе о национальной принадлежности он писал: “Поляк”. Да и разговаривал с лёгким польским акцентом. Так что иностранца распознать в нём было несложно.

Шестакова арестовали 6 июля. Через несколько дней он уже давал показания, среди “заговорщиков” назвал и фамилию Рокоссовского. На вопрос следователя: “Кто вам известен из участников военно-троцкистской организации в частях Забайкальского военного округа?” — последовал его исчерпывающий ответ: “Рокоссовский Константин Константинович — бывший командир 15-й кавалерийской дивизии, в данное время командир кавалерийского корпуса в городе Пскове...”

Для хорошо отлаженной машины НКВД этого было достаточно.

Вначале Рокоссовского отстранили от командования корпусом. Нового назначения не последовало. Он заметил: меньше стало людей вокруг — друзей, сослуживцев, приятелей. Даже в курилке, обычно шумной, наполненной шутками и анекдотами не меньше, чем табачным дымом, все сразу умолкали, торопливо докуривали и старались поскорее ускользнуть из гнетущего пространства. А он, уже уловив в воздухе запах грозы, чувствовал себя как перед рубкой и, как всегда, полагался на удачу: двум смертям не бывать. Но там можно было положиться на твёрдость руки, на шашку и на коня. А тут — не на кого. Пустота.

Вскоре последовало дивизионное партийное собрание, исключение из ВКП(б) “за потерю политической бдительности”. В августе вызвали в Ленинград, в штаб округа. Какое-то время надеялся — за новым назначением. Юлия Петровна тоже старалась не показывать своих чувств, но провожала мужа на вокзал с тяжёлым сердцем.

Поезд уже подходил к Ленинграду. Неожиданно в купе появились какие-то люди. Все, как на подбор, рослые, ему под стать, хорошо выбритые,

с настороженными и сосредоточенными взглядами, в свободных пиджаках одного цвета и покроя. Он сразу понял всё. “Вы арестованы!” До железнодорожного вокзала ехали молча. Когда поезд остановился, подождали, пока пассажиры вышли из вагона, и, не выходя на перрон, выпрыгнули в сторону пакгаузов, провели по безлюдным закоулкам к ожидавшей машине — обыкновенному фургону с надписью “Хлеб”. Грубо втолкнули в “чёрный во-ронок”. И закрутилось...

Привезли в “Кресты” — внутреннюю тюрьму УГБ НКВД Ленинградской области.

Унижение началось с обыска. Процедура была такой: раздели донага, осмотрели, прощупали одежду, заглянули в ноздри, в уши, всюду. Особенно досталось мундиру — свинтили ордена и медаль “XX лет РККА”, спорили шевроны, из петлиц вырвали эмалевые ромбы комкора. Португею и ремни, в том числе и брючный, не вернули. Рокоссовский сразу почувствовал себя ниже ростом, растерянным. Но растерянность длилась недолго. Произошло то, что происходило со многими, и надо было принимать этот крест спокойно, чтобы не допустить ошибки и не погубить себя и семью.

Конвоир отвёл Рокоссовского в камеру. Камера для двоих. Он оказался двенадцатым. Две откидные полки. Днём они пристёгнуты к стенам цепями на висячие замки. Полки откидывают в час отбоя — в 23:00, обратно к стенам пристёгиваются в 6:00. Обитатели камеры установили очередь для сна. Спят двое, и то недолго. Остальные — на полу. У двери — параша. Новички спят там. Места постепенно освобождаются. Кого-то перевели, кто-то не вернулся с допроса. Очередь движется к желанному окну, где можно хлебнуть свежего воздуха. Но неба в окне не видать — оно закрыто нависающим козырьком.

По всей вероятности, Рокоссовский в разработке у чекистов был уже давно. На всякий случай. Служил на границе... За рубежом... Имел самые широкие контакты, в том числе и с офицерами японской разведки, белогвардейцами... Личное дело Рокоссовского было помечено секретными литерами “ОУ” — особый учёт. Шифр этот ввёл истинный изобретатель всяческих методик выявления скрытых врагов народа и революции Фельдман. История свидетельствует, что почти все военные, имевшие в личном деле это фельдмановское клеймо, были арестованы, а затем — кого куда. Кто попал в лагерь, а кто и прямо под пулю.

Несколько суток Рокоссовский провёл в томительном ожидании. Следователи применяли такой приём для того, чтобы подготовить арестованного к первому допросу. Атмосфера тюрьмы, невыносимой духоты, вони давно немых тел, невозможности выспаться и сосредоточиться — всё это, помноженное на неизвестность, порой сразу давало нужные результаты — человек попросту ломался и подписывал всё, что диктовали следователи.

И вот, наконец: “Рокоссовский! На допрос!”

Все эти дни он думал о жене и дочери: что будет с ними? О горькой участи семей арестованных органами он знал не понаслышке. Но никогда не думал, что всё это может коснуться его Люли, Ады.

Следователь положил перед ним несколько листов чистой бумаги и сказал: “Опиши подробно свои преступления”. И ушёл.

Через час следователь вернулся. Рокоссовский сидел на прежнем месте перед чистыми листами бумаги. Даже поза его не изменилась.

— Ты, видимо, ещё не понял, где находишься, — зашипел следователь. — У нас... — Следователь значительно помедлил. — У нас все пишут. Так что давай, делай то, чего от тебя требуют. Время пока есть. — И снова вышел.

Теперь его не было ещё дольше. И снова он застал своего подследственного в той же позе и над чистыми листами.

Рокоссовский так и не сдался.

Генерал Илья Васильевич Балдынов вспоминал: “В первые дни ареста следователи требовали, чтобы я подробно написал, кто входил в шпионскую группу. Когда я отказался от показаний, стали морить голодом, не давали спать, держали в холодном карцере, где можно было только стоять или сидеть на корточках”.

Однажды на прогулке он увидел своего бывшего комбрига. Тот, тоже узнав своего боевого товарища по КВЖД, подошёл к нему и тихо сказал:

— Ни в коем случае не подписывай ничего, что ты не писал сам. Не давай ложных показаний. Не оговаривай ни себя, ни другого. Коль умереть придётся, то с чистой совестью.

Эти слова, которые Рокоссовский произносил как заклятие, в том числе и для самого себя, спасли Балдынова — он вышел из заключения одновременно со своим старшим товарищем и бывшим командиром.

Коль умереть... то с чистой совестью. На какое-то время именно эта формула стала кодексом чести Рокоссовского.

Печальный факт: именно военные на допросах с пристрастием, а иногда и без, а просто в ожидании своей горькой участи, ломались и подписывали всю нелепицу, весь чудовищный вздор о “своих преступлениях”. Варлам Шаламов, переживший все круги Гулаговского ада, писал: “Легче всего, первыми разлагаются партийные работники, военные”. Такому свидетелю, как Шаламов, нельзя не верить.

Против Рокоссовского свидетельствовали, кроме уже упомянутого корпусного комиссара Шестакова, начальник разведотдела штаба Забайкальского военного округа Ю. Г. Рубэн, комкор К. А. Чайковский, начальник разведотдела штаба 11-го механизированного корпуса майор Г. Г. Проффен, командарм 2-го ранга М. Д. Великанов.

Майор Рубэн, к примеру, поведал следователям следующее: “Мне известно, что Рокоссовский ещё в 1932 году по шпионской работе был лично связан с начальником японской военной миссии в Харбине — полковником Комацубара. По словам Рокоссовского, встречался он с Комацубара в Даурии во время официального приезда последнего для разрешения вопросов, связанных с интернированием войск китайского генерала Су Бинь-Бьеня”.

Не дождавшись *чистосердечного признания*, следователи начали выбивать показания силой.

Никогда никому, даже самым близким, он не рассказывал того, что довелось пережить в тюрьме. Только однажды, уже в 1962 году, на встрече с курсантами Военной академии им. М. В. Фрунзе на вопрос, применялись ли во время допросов физические меры воздействия, он сказал: “Били... Вдвоём, втроём. Одному-то со мной не справиться! Держался, знал, что, если подищу, — верная смерть”.

Когда “колуны” поняли, что его ничем не взять, решили действовать иначе. Вначале не давали спать. Изнуряли ярким электрическим светом. Это доводило до безумия. Он снова держался. Потом имитировали расстрел: зачитывали бумагу, выводили во двор, ставили к кирпичной стене со следами пулевых отметин и стреляли над головой. И это он пережил, не рухнув на колени. Возможно, потому, что на войне уже пережил большее — там в упор в него стреляли не раз. И даже попадали.

Довольно подробные воспоминания о пребывании в “Крестах” оставил сокамерник Рокоссовского Владимир Рачинский: “Меня арестовали в день расстрела моего отца. Зачем меня арестовали? Зачем им понадобилась еще одна невинная жертва? Мне было 17 лет, и меня бросили в этот ад. Я ни в чем не был виноват. Но когда я пришёл в камеру, камеру №6 следственной тюрьмы УНКВД в Ленинграде, то оказалось, что там сидят все, абсолютно все невинные. Никто не считал себя в чем-либо виновным перед Советским государством. Это был какой-то кошмар, какая-то западня на честных, невинных людей. В камере №6 площадью около 100 м² было битком набито около 100 человек, спали в два этажа: один — на полу, плечо к плечу, второй — на деревянных откидывающихся к стене кроватях и досках на козлах.

Что это были за люди, сидящие в камере? Большинство — интеллигенция, врачи, учителя, партийные работники, государственные работники, (инженеры, военные, артисты и т. д. Сидели даже чистильщики сапог — асоры, такая персидская народность, которая у нас имела вроде монополию на чистку сапог.

В камере сидели крупные руководители Ленинграда, например, зам. председателя Ленгорисполкома; крупные инженеры, например, инженер-

конструктор военных кораблей Бржезинский; крупные военачальники, например, К. К. Рокоссовский; крупные артисты, например, солист Театра оперы и балета Ленинграда баритон Терт.

Я не писатель, но можно было бы написать целую повесть под заглавием “Камера № 6”.

Сколько людей, столько характеров и судеб. И все это “варилось в одном котле”. Для меня это была первая, хотя и очень драматичная, школа жизни. Это был мой первый жизненный университет. В общем, лучше бы его не было. Но коль так случилось, то и из этого была извлечена мною какая-то жизненная школа. К. К. Рокоссовский мне говорил: “Владимир, тебе всё это пойдёт на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов”. Он рассматривал все эти репрессии как предательство со стороны органов НКВД. Он тоже наивно считал, что Сталин не виноват, что виновато его предательское окружение.

Человек ко всему привыкает, и я приспособлялся, как мог. Даже в тех тяжёлых условиях, чтобы как-то скоротать время, сидящие в камере устраивали беседы, лекции, играли в самодельное домино, сделанное из хлеба. Я прочитал ряд лекций по строению материи, атомной и ядерной физике. К. К. Рокоссовский вёл рассказы о своих военных подвигах в гражданскую войну, в частности, в Сибири и на Дальнем Востоке. Этому прославленному полководцу было о чём рассказать. Каждый, кто что-либо знал, рассказывал всем.

Подследственных из камеры вызывали на допросы. Все уже знали, что на допросах избивают и мучают людей. С допросов приводили истерзанных, избитых людей. Некоторых заставляли сутками стоять. И такая была пытка. Всех заставляли подписывать клеветнические на самих себя и других ложные протоколы допроса. Тех, кто отказывался подписать ложный протокол, избивали до тех пор, пока ложный протокол не был подписан. Были стойкие люди, которые упорно не подписывали. Но таких было относительно мало. К. К. Рокоссовский, пока он сидел со мной в одной камере, так и не подписал ложный протокол. Это был мужественный и сильный человек, высокого роста, плечистый. Его тоже били”.

Странные слова запомнил Владимир Рачинский, сказанные ему Рокоссовским в тюрьме: “...тебе всё это пойдёт на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов”.

Многое, что они тогда сказали друг другу, в той душной камере, мы теперь, конечно, не узнаем. Но сказали, видимо, действительно многое. Иначе бы просто так юноша не впитал бы подробности той встречи с такой силой — на всю жизнь. Он явно был благодарен и своему старшему сокамернику за те разговоры и наставления, и судьбе, что свела с ним. Да, как это ни странно, и судьбе.

...Когда Рокоссовский сел за мемуары, тема ареста и тюрьмы оказалась для него самой, пожалуй, непростой. Черновики свидетельствуют: больше всего правки, зачёркиваний и новых вариантов потребовала от автора именно эта глава. Воспоминания приносили боль.

Из черновика: “После тридцатимесячного срока пребывания в заключении, под следствием, был освобождён и полностью реабилитирован и вышел на свободу, задавая себе не разрешённый вопрос: кому и для какой цели понадобилось всё то, что было проделано в 1937 году. Ведь удар был нанесён по наиболее подготовленным кадрам руководящего состава Красной армии, своими делами и кровью доказавшим свою безграничную преданность Коммунистической партии, советской власти и социалистической Родине.

Последствия проделанной чёрной работы сказались уже в финскую кампанию: Красная армия оказалась к моменту назревших событий оголена. Многолетняя работа партии над воспитанием и подготовкой военных кадров была сведена к нулю. На руководящих постах в звене высшего командного состава, за исключением единиц, оказались малоопытные, не подготовленные к руководству в военное время кадры. Одной преданности и храбрости для ведения войны в современных условиях оказалось недостаточно”.

Из тех же черновиков, которые впоследствии были включены в окончательную редакцию мемуаров: “...командный состав в своём подавляющем

большинстве был репрессирован или отстранён от руководства подготовкой вооружённых сил. К руководству войсками были привлечены молодые кадры, не обладавшие достаточным жизненным и командным практическим опытом, — по должностям, на которые они назначались. Как это происходило, сошлось только на один пример — как очевидец. В июле 1937 года сменивший маршала Советского Союза Шапошникова, командовавшего в то время Ленинградским военным округом, генерал Дыбенко* созвал весь высший командный состав войск округа и объявил нам о том, чтобы мы, вернувшись во вверенные нам войска, каждый выбрал бы себе 2-х лучших лейтенантов и в течение 2–3 месяцев подготовил из них себе заместителей на занимаемые должности. На заданный с нашей стороны вопрос — что же нам после этого делать? — последовал с его стороны ответ, что для нас место найдётся. И действительно, такое место почти для всех нас было найдено. А потом за нами всеми последовал и сам Дыбенко”. (Последняя фраза зачёркнута).

Бывший адъютант Рокоссовского Борис Николаевич Захацкий рассказывал: “Однажды пришло письмо от бывшего следователя НКВД, который когда-то вёл дело Рокоссовского. Маршал поставил на нём резолюцию: “Оставить без внимания”. В письме была просьба о встрече, чтобы объясниться, почему следователь так вёл себя, видно, это его мучило. Вскоре пришло повторное письмо. И снова Константин Константинович написал: “Оставить без внимания”. Ему было неприятно возвращаться к этой теме. К тому же он считал, что перед ним извинились. Ведь в марте 1940 года после освобождения Рокоссовского маршал Тимошенко (тогдашний нарком обороны) попросил забыть его о трёх годах заключения как о досадном недоразумении и сообщил, что его восстановили в партии, в звании и должности”.

Что ж, именно так и бывает: прощение просит не тот, кто виноват, а тот, кто прилагает наибольшие усилия, чтобы чью-то роковую ошибку исправить.

Пока его таскали на допросы и решали, к какому делу лучше пристегнуть, чтобы не так явно виднелись белые нитки, его одноклассник Жуков сделал головокругительную карьеру, наголову разгромив японцев в Монголии; в Испании на стороне армии республиканцев дрались комбриги и комдивы, а совсем рядом с Ленинградом вспыхнула и в одну зиму закончилась советско-финляндская война. И он ещё не знал, что именно эхо этих событий, сотрясавших хрупкий мир на грани огромной войны, распахнёт дверь его камеры...

Рокоссовского продержали под следствием около трёх лет. Необычно долго. Но и такое случалось. К примеру, генерал В. В. Крюков, арестованный в 1948 году по так называемому “Трофейному делу”, под следствием находился более трёх лет. Там тоже дело не клеилось, рассыпалось. Правда, его всё же кое-как собрали, и генерал Крюков пошёл в лагерь на двадцать пять лет сразу по нескольким статьям, в том числе и (как ни парадоксально) по так называемому закону “О трёх колосках”.

Что-то подобное пытались пришить и Рокоссовскому. То польский шпион. То японский. Следователи пытались пустить его то по делу забайкальской военно-троцкистской организации, то ленинградского военно-троцкистского центра, то по Псковскому заговору. Возможно, Рокоссовскому в какой-то мере помогло и то обстоятельство, что в ноябре 1938 года на посту наркома НКВД Ежова сменил Берия. Поменялись следователи, часть из них поволокли к кирпичной стене, другая часть, оставленная на службе, присмирела. Начался пересмотр дел. Но всё это походило на кампанейщину. Приход в грозный наркомат Берии судьбы нашего героя не решил, но пауза тишины и относительного покоя произошла. Она вселила новые надежды, укрепила дух. Однако пауза истекла довольно скоро, и следователи нового наркома принялись терзать Рокоссовского с прежней яростью.

Необычно долгое пребывание Рокоссовского в тюрьме породило целую серию домыслов и легенд. По жанрам их можно разделить на полукумические, на героико-романтические и на оскорбительно-нелепые. Даже в печати порой появляются “откровения” неких “историков” и “краеведов” о том, что яко-

* П. Е. Дыбенко имел воинское звание командарма 2-го ранга. Уволен из РККА в начале 1938 года и последнее перед арестом время работал заместителем наркома лесной промышленности. Расстрелян в 1938 году.

бы найдены подтверждения того, что, к примеру, Рокоссовский отбывал срок в Княж-Погосте в Коми и работал там банщиком. Что к “Крестах” был завербован сотрудниками госбезопасности и использовался в качестве “наседки”, подсылаемой к трудным подследственным, которые запирались и не давали показаний. Эту версию разом опрокидывают свидетельства тех, кто в разное время находился в одной камере с Рокоссовским или виделся с ним на прогулках. И, наконец, что Рокоссовский в это время находился в секретной командировке в воюющей Испании и дрался на стороне республиканцев под именем Мигеля Мартинеса. Последнюю версию опровергать не станем. Пусть будет. К тому же она нашему герою более или менее подходит — красивая.

А тем временем семья переживала свою долю страданий.

Из рассказа внука маршала Константина Вильевича Рокоссовского: “Так как Псков в то время был приграничным городом, сразу же после ареста дед мама и бабушка как члены семьи врага народа были оттуда высланы и поселились в Армавире, у знакомых. Бабушка перебивалась случайными заработками, постоянной работы найти не могла. Как только узнавали, что её муж находится под арестом, стремились от неё избавиться под любым предлогом. Когда не было работы, жили тем, что занимали в сберкассе деньги под залог облигаций Государственного обязательного займа, на которые дедушка подписывался, как и все руководящие работники в то время. Мама рассказывала мне дикий случай, произошедший с ней в школе, когда директор, узнав, что дед “сидит”, пришла на урок и заявила: “Дети, я хочу, чтобы вы все знали, что среди нас находится дочь врага народа. Ада, встань, чтобы все могли тебя видеть!” Больше в эту школу мама уже не ходила. Впрочем, такими были тогда далеко не все. Были и добрые, отзывчивые люди, не боявшиеся, несмотря ни на что, помочь и поддержать попавших в беду...”

Никаких вестей от мужа и отца не было уже несколько месяцев. Жив? Или... Неизвестность угнетала сильнее всего.

Кто-то из знакомых подсказал Юлии Петровне поехать в Москву, на Лубянку, там принимают посылки для арестованных, одну в месяц, по особому списку; если посылку примут, значит, адресат жив. Но как поехать? С работы не отпускают. А дорога займёт не один день. Прогуляешь — сразу уволят. Ехать в Москву вызвалась Ариадна. Собрали посылку — продукты, теплые вещи, бельё. Всю дорогу до Москвы Ариадна думала о судьбе отца: примут у неё посылку или нет. В поезде попались добрые попутчики. Они сразу поняли, куда едет девочка. Рассказали, как быстрее проехать на Лубянку, как себя вести, что говорить. Пришла, заняла очередь. И посылку приняли! Представьте себе, дорогой читатель, состояние тринадцатилетней девочки, которая вдруг узнаёт, что её любимый папочка жив. На вокзал она летела как на крыльях. Хотелось поскорее доехать до дома и обрадовать маму: папа Костя жив!

Тянулись месяцы ожидания, наполненные, тревогой и страхом. Но теперь появилась надежда. Семья возила в Москву посылки. Их принимали. Так возникла незримая связь между томившимися на свободе и сражавшимся за своё достоинство в тюрьме.

Несколько раз Юлии Петровне советовали сменить фамилию. Но она была уверена, что её муж честный человек и никакого камня за пазухой никогда не носил. Тогда многие люди свято верили в то, что невинных за ключую проволоку не бросают и уж тем более не расстреливают.

Но пока — допросы, допросы, допросы... Версталось дело. Сидел по-прежнему в “Крестах”. Но однажды случилось необычное: на суд Рокоссовского повезли в Москву, там некоторое время он провёл в Бутырке.

Его дело рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР. На судебном заседании выяснилось: всё обвинение от начала до конца построено на свидетельских показаниях бывшего сослуживца подсудимого по 5-му Каргопольскому драгунскому полку, а затем командира 1-го Уральского им. Волodarского кавполка Адольфа Казимировича Юшкевича. Юшкевич будто бы дал признание о том, что в середине 20-х годов завербовал Рокоссовского в польскую шпионскую организацию. Никаких существенных доказательств его “шпионской” работы в РККА нет.

Рокоссовский всегда был хорошим тактиком. И прилежным учеником фон Клаузевица. Много из трактата “О войне” он помнил наизусть. Память у него была великолепная. Фон Клаузевиц наставлял: “В теории фактор неожиданности может сыграть вам на руку. Но на практике в ход вступает сила трения, когда скрип вашей машины предупреждает противника об опасности”.

Что же приготовил Рокоссовский для своих несправедливых и злобных гонителей? Когда следователи “предъявили” ему “признания” Юшкевича, он внутренне усмехнулся, и эта усмешка вскоре разрослась в ликование. Он знал, что это блеф. И если это так, то у следователей ничего существенного на него попросту нет. Оставалось держаться, терпеть, ждать. Проявлять осторожность. Только однажды он позволил себе опасную игру со следователями, и колёса его боевой машины заскрипели... Он сказал им, что подпишет все протоколы (бумаги с текстами “чистосердечных признаний” уже давно были готовы), если те устроят ему очную ставку с Адольфом Юшкевичем. Но то, что его боевой товарищ и друг, красный командир Адольф Казимирович Юшкевич пал смертью храбрых в Северной Таврии 28 октября 1920 года, в первый же день второго удара проводимой Красной армией Северно-Таврийской операции против белых войск барона Врангеля, — об этом он им не сказал.

Перед судом он вспомнил, от какого числа был тот памятный номер “Красной Звезды” с публикацией списка погибших в Северной Таврии.

Суд выслушал его доводы. Нашли и номер газеты, где действительно извещалось о гибели смертью героя красного командира Юшкевича.

Суд состоялся в начале 1939 года. Это был ранний период эпохи Берии. Он характерен некоторым потеплением в тюремных камерах, в лагерях и в судах, да и в целом в обществе. Некоторые дела радикально пересматривались. Многие прекращались. Люди возвращались домой. А в камеры и на дыбу потащили вчерашних палачей — шла чистка в органах НКВД.

Именно в это время расстреляли бывшего начальника Ленинградского управления НКВД комиссара госбезопасности 1-го ранга Заковского (Штубиса). Выступая 10 июня 1937 года на Ленинградской областной партконференции, Заковский сказал: “Мы должны врага уничтожить до конца. И мы его уничтожим”.

Этот свирепый начальник порой и сам проводил допросы, особенно “знатных” сидельцев. Любил присутствовать на расстрелах. А иногда вытаскивал из кобуры свой револьвер, делом подтверждая своё большевистское “до конца”...

Допрашивал он и Рокоссовского. Боевых орденов у Заковского было больше, да и звание выше. Но статус кавалерийского комдива с тремя орденами Красного Знамени вполне соответствовал тому, чтобы им занялся сам комиссар Заковский. Допрашивал жестоко. Несклько выбитых зубов, три сломанных ребра, молотком — по пальцам ног... Конечно, это не пуля в затылок. Изломанное тело болело долго. Душа ныла дольше и сильнее.

И вот казус, казалось бы, удачной фортуны комиссара 1-го ранга — обречённый на убийную статью бывший подследственный Рокоссовский пережил своего гонителя и палача.

Когда суд в Москве рассмотрел дело Рокоссовского, когда принял к сведению доводы подсудимого и счёл их убедительными, всё началось сначала.

Подследственного вернули в *родные* “Кресты”. Осенью того же 39-го его снова заслушает Военная коллегия Верховного суда. И снова заготовленный сотрудниками НКВД приговор не утвердит.

Никто не собирался его освобождать. И возможно, он так и сгнил бы в одной из камер мрачной ленинградской тюрьмы, и у нас не было бы полководца Рокоссовского, когда бы в Москве после окончания неудачной Финской кампании не состоялся разговор двоих или троих военачальников, от которых тогда зависело многое.

Зимняя война с маленькой Финляндией, армию которой наши войска так и не смогли разгромить на линии Маннергейма, заставила Сталина задуматься о боеспособности Красной армии. И в первую очередь, о её кадрах. Ибо “кадры решают всё”.

По одной версии, предложение о возвращении из заключения военачальников, арестованных и осуждённых несправедливо, Сталину изложил только что назначенный на пост наркома обороны С. К. Тимошенко.

По другой — Г. К. Жуков.

В тот период Жуков, восходящая звезда Красной армии, стремительно поднимался вверх. Сокрушительная победа на Халхин-Голе, присвоение звания генерала армии и Героя Советского Союза. Встречи со Сталиным. Откровенные разговоры о многом. Доверие вождя, который умел слушать и слышать своих подчинённых.

Из воспоминаний маршала Жукова: “Рокоссовский был мой близкий старый товарищ, с которым я вместе учился, работал и которого всегда уважал как хорошего командира. Я просил Сталина освободить его... и направить в моё распоряжение в Киевский Особый военный округ”.

Возможно, Георгий Константинович здесь допустил какую-то неточность. Известно, что первая его встреча со Сталиным произошла в мае 1940 года. К тому времени прошло уже два месяца, как Рокоссовский вышел из тюрьмы.

Но возможен и третий вариант. Разговор о необходимости пересмотра “ежовских” дел многих военачальников и о возможном их освобождении с целью восстановления в войсках на командных должностях произошёл между Жуковым и Тимошенко. Они вместе, в одном корпусе служили в Белоруссии, доверяли друг другу. Прекрасно понимали, какая беда надвигается на страну; размышляя о возможностях укрепления войск командными кадрами, вспомнили об арестованных органами НКВД. Ведь эти кадры, проверенные боями и походами, пропущенные через курсы и академии, находились рядом, за колючей проволокой.

В самый канун войны в войска возвратились А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Ф. Ф. Жмаченко, К. П. Подлас, Ф. А. Пархоменко, В. Д. Цветаев, К. А. Юшкевич, А. И. Лизюков и другие, всего около пятидесяти человек. Многие, к сожалению, не дожили до пересмотра своих дел.

СПРАВКА

Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г. р., происходящему из гр-н б. Польши, г. Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во Внутренней тюрьме УТБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобождён в связи с прекращением его дела.

Следственное дело № 25358 1937 г.

Следственное дело, о котором упомянуто в справке об освобождении, из архивов НКВД-КГБ-ФСБ исчезло. Его как бы не существует. Говорят, папка, в которой были подшиты все документы, касающиеся ареста, допросов, судебных заседаний и иных действий по делу комдива К. К. Рокоссовского, уничтожена в начале 60-х, когда по приказу Н. С. Хрущёва “подчищались” архивы с целью изъятия из хранения документов, которые могли бросить хоть какую-то тень на партийных функционеров и высокопоставленных работников спецслужб. Партия, заслушав доклад своего нового лидера на XX съезде КПСС о “культе личности Сталина”, с лёгкостью свалила всю вину за репрессии, роковые ошибки и перекосы на Сталина и вновь почувствовала свою молодость и невинность.

Итак, дело Рокоссовского уничтожено. Возможно, потому, что на нём были какие-либо резолюции людей, в то время ещё занимавших большие посты и имевших высокие звания.

Мне же опыт и чутьё подсказывают, что интересующее нас дело не погибло, что когда-нибудь протоколы допросов и имена следователей, истязавших Рокоссовского, мы ещё узнаем. Во всяком случае, на два запроса, поданные мною в ФСБ с просьбой ознакомить меня с “Делом К. К. Рокоссовского для написания правдивой истории его ареста, заключения и освобождения”, я не получил никакого ответа. Даже уведомления о том, что письма мои получены. Не странно ли?

Об освобождении Рокоссовского тоже сочинено много легенд.

К счастью, он сам однажды рассказал о том, как всё происходило. Рассказал во время съёмки кинофильма “Если дорог тебе твой дом” по сценарию Константина Симонова. Маршал был главным военным консультантом. Кто-то из присутствующих киношников записал рассказ на магнитофон, затем перевёл в обычное повествование: “Когда Рокоссовского выпустили на волю, тюремный писарь решил, что бывший заключённый ленинградец, что он идёт домой, и не вручил ему на дорогу необходимый воинский литер*.

С Выборгской стороны на вокзал, без копейки в кармане, но с благословенной справкой Константин Константинович прошагал десятка два трамвайных остановок. Выписать литер во исправление тюремной ошибки мог лишь военный комендант. Но он появится только утром. И Рокоссовский решил переночевать на вокзале. Однако поздно вечером военный патруль, обходя зал ожидания, всех безбилетников-ночлежников выпроводил на площадь. Вокзал в прифронтовом городе — не ночлежка**. Рокоссовский отправился в далёкий военный городок, где квартировал комсостав штаба округа. Дело было к ночи. Он всё же разыскал двоих знакомых, бывших своих сослуживцев, но те побоялись приютить репрессированного. Куда деваться? И вот, лишённый выбора, Рокоссовский пошагал обратно в “Кресты” и попросился у дежурного на ночлег, в “свою” камеру, на “свои” нары. Дежурный оказался человеком покладистым, может быть, поняв ошибку писаря, хотел избавить своего приятеля от неизбежного выговора по службе. А утром бывшему узнику, как и всем соседям, выдали “пайку” — миску пшённой каши. Вот когда он струхнул: может, зачислили снова на довольствие?.. Но после завтрака канцелярист выписал по всей форме положенный литер до станции Псков. И бывший командир корпуса, застегнув на все крючки коротговатую для его парадного роста, поношенную солдатскую шинель с латками на локтях, ушёл домой после продолжительной “командировки”...

И уже сам Рокоссовский вспоминал: “Жуков внимательно слушал мой рассказ, стараясь совладать с волнением, несколько раз вставал, садился. Потом долго и мрачно молчал и, наконец, сказал: “Таких подробностей я не знал”.

Однажды на фронте молодой офицер связи, недавно прибывший в штаб фронта, заметил шрам над бровью Рокоссовского и спросил:

— Это вас осколком ранило, товарищ маршал?

— Не осколком, — усмехнулся маршал, — а деревянным табуретом во время допроса, лейтенант.

А после Сталинградской битвы, когда в его штаб нескончаемым потоком шли поздравления, среди телеграмм он отыскал присланную из “Крестов”, за подписью начальника тюрьмы, надо заметить, особо знаменитой среди военных. И Рокоссовский тут же приказал связистке отстучать ответ: “Рад стараться, гражданин начальник!” А дальше — поделедственный такой-то, номер камеры такой-то...

После возвращения партбилета, орденов и должности всегда носил с собой пистолет. Ложась спать, проверял обойму и совал пистолет под подушку.

Юлия Петровна потом рассказывала внукам: “Дедушка после тюрьмы опасался, что за ним снова придут. Говорил, что на этот раз живым им не дастся”.

Глава шестая

КОРПУСА

После трёх лет заточения в “Крестах” Рокоссовского отправили на отдых в Сочи. Именно с рассказа об этой семейной поездке он начинает первую главу своих мемуаров. Глава называется “Завтра — война”.

* Документ на право льготного или бесплатного пользования какими-либо услугами, а данном случае, при покупке железнодорожного билета.

** Советско-Финляндская война закончилась 13 марта 1940 года, но Ленинград ещё некоторое время находился на положении прифронтового.

“Весной 1940 года я вместе с семьёй побывал в Сочи”.

И в том же абзаце: “После этого был приглашён к народному комиссару обороны маршалу С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня”.

Видимо, именно тогда и состоялся тот откровенный разговор, во время которого Тимошенко принёс извинения и попросил “забыть о трёх годах заключения как о досадном недоразумении”.

Рокоссовскому оказалось этого достаточно. И он действительно забыл. О тюрьме ни слова в мемуарах. И не вскипел злорадством, как это произошло со многими, когда “умер тиран” и начались пляски на его гробе и дергания мёртвого льва за усы.

Некоторое время командовал своим 5-м кавкорпусом. Корпус вскоре перебросили на Украину. Формировалась группировка войск для Прутского похода. Бросок в Румынию с целью присоединения к СССР областей Бессарабии и Северной Буковины начался в конце июня и завершился в несколько дней триумфальным успехом при самых минимальных потерях.

Операцией руководил командующий войсками Киевского Особого военного округа, только что преобразованного в Южный фронт, генерал армии Г. К. Жуков. 5-й кавкорпус наступал на левом фланге немного южнее Кишинёва. До серьёзных боестолкновений с войсками Румынской королевской армии дело не дошло. Марш Красной армии к берегам Прута прошёл быстро и бескровно.

О своей миссии в дни проведения операции Рокоссовский написал так: “Я был включён в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы всё время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом”.

В Бессарабии он был уже генералом. Звание “генерал-майор” Рокоссовскому присвоили 4 июня 1940 года. Постановлением СНК для высшего состава РККА вводились новые воинские звания, а старые упразднялись. Аттестован он был из комдива в генерал-майора. На ранг ниже. Возможно, это ранило, но одновременно и подстёгивало служить так, чтобы как можно скорее всё упущенное наверстать.

В это предгрозовое время по инициативе нового начальника Генштаба генерала армии Г. К. Жукова в Красной армии вновь начали формировать танковые и механизированные корпуса. “Радостно было сознавать, — впоследствии писал Рокоссовский, размышляя о предвоенном времени, — что, наконец, восторжествовали правильные взгляды, и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня”.

Его назначили в 9-й механизированный корпус. По всей вероятности, не без влияния Жукова. Механизированные корпуса были детищем Жукова, и он был заинтересован в том, чтобы во главе этих новых тактических единиц стояли надёжные, грамотные и энергичные командиры с опытом успешных боёв.

“Девятый мехкорпус, — вспоминал маршал, — состоял из трёх дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н. В. Калинина, 35-я танковая дивизия полковника Н. А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М. Е. Катукوف”.

Командиры дивизий ему достались хорошие, все имели академическое образование, прошли через различные курсы. Даже он, командир корпуса, такой богатой теоретической подготовки не имел. Двое из них станут прекрасными танковыми командирами. Генерал Новиков будет командовать бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта, а генерал Катукوف — 1-й гвардейской танковой армией 1-го Белорусского.

Материальной же частью корпус обеспечить по положенным штатам не успели.

В черновиках рукописи книги “Солдатский долг” читаем: “К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб”.

Здесь достаточно определённо прочитывается упрёк в адрес генералов Кирпоноса и Жукова. Охотники подёргать за полы маршальскую шинель Жукова очень любят это место в мемуарах Рокоссовского, поскольку считают, отчасти и не обосновательно, его главным экспертом Великой Отечественной войны. Мол, Жуков, такой-сякой, раздул мехкорпуса, протасил через кремлёвские кабинеты непосильный для страны и армии проект, в итоге и мехкорпуса (полноценные) не создал, и общевойсковые армии истощил и оставил без броневого прикрытия и усиления... Исторический конфликт мне представляется таким: автор мемуаров размышлял о неудачах первых дней войны, прежде всего, как командир мехкорпуса, которому, по разным причинам, не удалось встретить противника во всеоружии, к тому же уж больно хороший случай подвернулся попенять своему давнему сопернику и боевому товарищу — Жукову. Любой мемуар следует рассматривать через призму характера их автора, его судьбы и взаимоотношений с теми, о ком он рассказывает.

В черновиках “Солдатского долга” остались и размышления о причинах неудач первых летних боёв, в том числе и, конечно же, 9-го мехкорпуса.

Сражался корпус хорошо, но задачу свою всё же не выполнил. Противник оказался сильнее.

Уже в мае, когда в приграничных районах участились полёты немецких самолётов-разведчиков над расположением советских войск и объектов их инфраструктуры, стало ясно: так ведёт себя изготовившийся к нападению неприятель, и рано или поздно он нападёт.

Всё в тех же черновиках* Рокоссовский рассказывает о случае, который как нельзя лучше характеризует и напряжение, и беспечность, царившую тогда в войсках: “В районе Ровно произвёл вынужденную посадку немецкий самолёт, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолёте оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолёт был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На плёнках были сняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всём этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолёт с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев”.

В черновиках Рокоссовский сетует на многие упущения, недостатки и недоработки в боевой работе войск, сосредоточенных в приграничной полосе. Очень скоро всю эту беспечность, расхлябанность и непрофессионализм Красная армия оплатит сполна гибелью полков и дивизий, исчезновением (кто убит, кто ранен, а кто попал в плен) целых корпусов и даже армий.

Об атмосфере кануна войны здесь, пожалуй, ничего более пространного рассказывать не стоит. Наш герой не был посвящён в тайны большой политики и планы Генштаба. Он был солдат в приграничном военном округе. Правда, в генеральском чине, и под рукой — целый мехкорпус.

О том, как началась война и как дивизии 9-го механизированного корпуса вступили в бой, Рокоссовский в своих мемуарах рассказал довольно кратко: “21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сооб-

* Черновые варианты, наброски и куски текста, купированные редакторами и цензурой, сейчас уже опубликованы.

щили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз”.

Судя по тому, что командир корпуса, дислоцированного в непосредственной близости от границы, на рассвете 22 июня — выходной день! — планировал коллективный выход на рыбалку со своими командирами дивизий, штаб округа свои войска держал в полном неведении. Правдивая информация, подтверждающая то, что немцы вот-вот атакуют, можно предположить, циркулировала между штабами армий, командирами корпусов и дивизий, но — на уровне личных опасений и предположений.

По всей вероятности, и о немецком перебежчике Рокоссовский узнал из Особого отдела штаба корпуса. А поскольку начальники особых отделов от полка и выше в это время подчинялись непосредственно командирам подразделений и соединений, Рокоссовский о перебежчике узнал сразу. Но посмотрите, как действует он дальше. Никаких директив сверху. Все дальнейшие действия — по обстановке и на своё усмотрение.

“Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили всё держать наготове...”

“Решил...”, “позвонил...”, “поделиться...”, “поговорили...”, “решили...” И всё это замкнуто в пределах корпуса. Почему? Да потому что *поднимать панику*, к примеру, звонком в штаб округа было попросту опасно. Давно и неоднократно их предупредили: не поддаваться на провокации, не открывать ответного огня, не давать повода и т. п.

Буквально накануне, во время поездки в войска Рокоссовский встретился со своим боевым товарищем по КВЖД Иваном Ивановичем Федюнинским. Герой Советского Союза, полковник Федюнинский командовал 15-м стрелковым корпусом, занимавшим позиции севернее 9-го мехкорпуса в районе Брест-Ковель. Они обрадовались встрече и тому, что их корпуса оказались в одной армии — 5-й общевойсковой — и что в предстоящей битве стоять будут рядом. В том же, что гром грянет вот-вот, ни тот, ни другой нисколько не сомневались.

Покончили с делами, и Федюнинский, чтобы хоть как-то отметить встречу, пригласил Рокоссовского к себе в гости с ночёвкой. Выпили, разговорились. Говорили о Даурии и боях на КВЖД. О семьях. О тюрьме Рокоссовский молчал. Федюнинский из деликатности и на всякий случай болячку его не трогал. Наконец, заговорили о насущном. Это беспокоило больше.

Из воспоминаний маршала: “Разговор всё о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находящиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, ещё раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придётся идти в бой”.

В ночь с 21 на 22 июня Рокоссовский не спал. Решил заночевать прямо в штабе. Много курил. Часто выходил на улицу, прислушивался к рассветной тишине. В четвёртом часу телетайп начал отстукивать сообщение из штаба 5-й армии. Он торопился взглядом ползущую ленту, которая извещала: срочно вскрыть особый секретный оперативный пакет. Телефонogramму подписал заместитель начальника оперативного отдела штабма.

Вскрыть оперативный пакет Рокоссовский мог только по распоряжению либо Председателя Совнаркома СССР, либо наркома обороны.

Он тут же, не медля ни минуты, распорядился: уточнить по телеграфу достоверность депеши — в штабе округа, армии и наркомате обороны. А уже через несколько минут проводил оперативное совещание с начальником штаба, заместителем по политической и начальником особого отдела. Пока решали, что делать, как поступить, дежурный офицер доложил: связь нарушена, ни Луцк, ни Киев, ни Москва не отвечают.

Офицеры штаба переглянулись. Подтверждение о подлинности приказа не получено и в ближайшие часы получено быть не может. Что делать? После короткой паузы Рокоссовский сказал:

— Что ж, беру ответственность на себя.

Самовольное вскрытие так называемого “красного пакета” грозило самым грозным пунктом 58-й статьи — расстрелом.

Директива “красного пакета” предписывала дивизиям 9-го мехкорпуса в полной боевой готовности форсированным маршем двигаться в направлении Ровно — Луцк — Ковель.

“Вот оно, началось”, — снова и снова перечитывая текст оперативного пакета, думал Рокоссовский. В висках стучало — как перед рубкой. Он снова почувствовал себя в седле: Орлик нетерпеливо перебирал передними ногами и послушно ждал команды, рука легла на рукоять казацкой шашки и была тверда...

В сущности, так оно и случилось. Рубка впереди предстояла страшная и чудовищно затяжная — на все четыре года.

Ровно в 4:00 корпус был поднят по тревоге.

Командиры дивизий прибыли на КП командира корпуса для получения предварительных распоряжений. Пока войска стягивались в исходные районы, “штаб корпуса готовил общий приказ”.

Нам порой трудно понять то поколение. Что ими двигало? Что вдохновляло и умножало их силы? О чём думали они в самый трудный час? Если бы наш герой в тот рассветный час думал о себе, если бы воспоминания о тюремном молотке по пальцам ног затмили страхом его сознание, то пакета бы он попросту не вскрыл. Ответственности бы на себя не взял и ждал бы подтверждения. Они умели брать всё на себя, действовать и отвечать головой за свои действия и поступки.

Из воспоминаний маршала: “Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал своё место и точно выполнял своё дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподальку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день”.

Какой смысл вкладывал автор в слова о “соответствующем внушении”, можно только догадываться. К примеру, во время летних боёв северо-восточнее, в районе Витебска, командующий 19-й армией генерал-лейтенант Иван Степанович Конев танкистам одной из бегущих частей внушал повернуть назад пистолетом, направленным в лок механика-водителя, по сути дела, в лоб танкиста. Мягкость Рокоссовского тоже мгновенно исчезала, когда обстоятельства заставляли быть жёстким и непреклонным. Но будем считать, что тогда, 22 июня в районе Новоград-Вольнского, где находились армейские артиллерийские склады, всё обошлось по-бухгалтерски интеллигентно — расписками.

Где-то к 10:00 начальник штаба генерал Маслов, наконец, дозвонился до Луцка. Связь действовала недолго, всего несколько минут, и снова прервалась. Из штаба армии кто-то из подошедших к аппарату офицеров успел сообщить, что Луцк только что повторно подвергся бомбовому удару немецкой авиации, что связь постоянно рвётся и что положение на фронте ему, к сожалению, не известно. Примерно такие же сведения были получены и из короткого разговора с Киевом.

Ближе к полудню немецкие самолёты появились и над Новоград-Вольнским. Бомбардировщики, числом около двадцати, шли на большой высоте. Захлопали зенитки. Чёрные облачка взрывов заградительного огня покрыли небо. Бомбардировщики прошли дальше, даже не нарушив строя.

Появление немецкий самолётов лишь утвердило его в мысли о том, что штаб корпуса, повинаясь его, командира, приказам и распоряжениям, действует правильно.

Спустя годы он снова и снова будет прокручивать плёнку своей памяти, внимательно вглядываться в детали того, что она запечатлела, делать строгую переоценку всего, что успел тогда сделать и чего не успел.

Из воспоминаний: "...я всё внимание сосредоточил на подготовке войск. Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава — всё нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат".

Особенно беспокоила Рокоссовского управляемость подразделений. Как справятся командиры со своими обязанностями, как проведут марш и как потом вступят в бой? Перед тем, как выступить, он отдал приказ: всем командирам — офицерам и сержантам — иметь на гимнастёрках петлицы и нашивки повседневной формы; бойцам — зелёные полевые петлицы. Чтобы солдаты видели своих командиров и равнялись на них.

В четырнадцать часов пополудни "корпус выступил по трём маршрутам в общем направлении Новоград-Вольнский — Ровно — Луцк". В качестве боевого авангарда, оторвавшись от основных сил, по автострате на Самострелы и Ровно сплошной колонной выдвинулась 131-я моторизованная дивизия полковника Калинина. Остальные части двигались в основном пешим ходом и догнали 131-ю лишь к утру 23 июня в лесах западнее Корца и восточнее Славуты, где танкисты и мотопехота остановилась на днёвку. Вечером 23-го вновь снялись и продолжили марш.

На следующий день, 24-го числа, полковник Калинин своими полками закрыл образовавшуюся в обороне Юго-Западного фронта пятнадцатикилометровую брешь от Рожича до Островца восточнее Луцка. Оборона 131-й мотодивизии тянулась по правому берегу реки Стырь.

В тот же день корпус вступил в бой.

Глава седьмая

ЯРЦЕВСКИЕ ВЫСОТЫ КОМАНДАРМА-16

Судьба уносила его под Смоленск.

В дороге беспокоили мысли, которые уже сотни раз были думаны-передуманы: неудачный контрудар мехкорпусов... паника среди солдат и офицеров... глубокие прорывы немецких колонн на узких участках... безнаказанность немецкой авиации в воздухе... растерянность штабов... невозможность противостоять противнику в масштабах фронта и даже отдельной армии... Почему?! Так ли уж сокрушительно силен противник? Да, силен. Но стоило лишь против него выставить хорошо организованную оборону и так же организованно контратаковать свежими силами, как он ретируется, бросает на поле боя материальную часть и отводит войска.

Вспомнился капитан из 20-й танковой дивизии. Он лежал на обочине дороги, запруженной танками, которым через полчаса приказано было атаковать противника на переправе через небольшую речушку. Затылок его был снесён выстрелом в рот. Пистолет, забрызганный кровью, лежал рядом. По телу ползали мухи, перелетая то на затылок капитана, то обратно. Никто его не поднимал. Видимо, из чувства брезгливости. Или страха. Подняли какую-то бумажку, зажатую в руке мертвеца. Передали ему, командиру корпуса. Развернул и сразу всё понял: "Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, вынудило меня к самоубийству..."

Это после той записки он выхватывал пистолет в лесу, когда его охрана прихватила на полянке группу окруженцев с полковником, переодетым в вышиванку и рваные холщовые порты. Что его тогда удержало от желания спустить курок?

Он прикрывал усталые веки, пытаясь задремать и не думать ни о том капитане у дороги на пыльной обочине, ни об ухмылке полковника, в гла-

зах которого он тот миг разглядел не только ужас и злобу, но и какую-то правду. И она, та сверкнувшая, как ночной трассер, правда показалась ему сильнее собственной уверенности и правды, которой жил он и которой принуждал жить весь корпус. Потому что корпусу нужно было выстоять, сохранить свои порядки, не рассыпаться по лесам и по хуторам в поисках крестьянских вышиванок.

В эти крошечные дни и ночи он успокаивал себя только тем, что мысленно писал очередное письмо самым близким и родным его сердцу людям: “Дорогая Lulu и милая Адуся! Успокаиваю себя мыслью о том, что вы уже благополучно добрались до какого-нибудь тихого городка и устроились там...”

Москва так же, как и Киев, выглядела иной. Исчезло праздничное, лёгкое, летнее, что когда-то сквозило утренними запахами и радостными головами на её площадях, улочках и переулках. Улицы города словно расширились, и их наполнила какая-то торжественная тишина, природу которой ему, прибывшему сюда с войны, понять пока было трудно.

В Ставке ему предложили стакан горячего крепкого чая, после которого он тут же, без предисловий, получил назначение: “На смоленском направлении “образовалась пустота” в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево”; задача вверенной ему подвижной группы — “прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы”.

Вязьма, Вязьма... Этот русский город на пути от Смоленска к Москве связал, стянул в 41-м многие узлы, да так натуго, что развязать их не удалось ни в 42-м, ни позже.

Маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах обстановку тех дней на центральном направлении характеризовал следующим образом: “И. В. Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, дравшиеся под Смоленском, были окружены и вели бои в неравных условиях.

Вернуть Смоленск нам так и не удалось. О сдаче города было объявлено только тогда, когда нашим войскам удалось выйти из окружения и соединиться с главными силами фронта. Это было, если мне не изменяет память, в первой половине августа 1941 года.

Однако бои в районе Смоленска не только не затихли, наоборот — они разгорелись с новой силой. Ставка срочно создала новый фронт обороны, развернув его в тылу Западного фронта.

Ещё в период боёв на подступах к Смоленску, 14 июля был развёрнут новый резервный фронт в составе 29, 30, 24, 28-й и 31-й армий под командованием генерал-лейтенанта И. А. Богданова; большинство этих войск было передано потом в состав Западного фронта.

Армии нового фронта развёртывались на рубеже Старая Русса—Осташков—Белый—Ельня—Брянск. С целью прикрытия Москвы на дальних подступах к ней 18 июля было принято новое решение — развернуть новый фронт на Можайской линии обороны, куда предполагалось включить формируемые 32, 33-ю и 34-ю армии.

В ходе битвы за Смоленск для ликвидации создавшегося опасного положения Ставка решила передать командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко 20 стрелковых дивизий из армий Резервного фронта. Эти дивизии вошли в состав пяти армейских групп, которыми командовали генерал-майор К. К. Рокоссовский, генерал-майор В. А. Хоменко, генерал-лейтенант С. А. Калинин, генерал-лейтенант В. Я. Качалов, генерал-лейтенант И. И. Масленников.

Маршал С. К. Тимошенко по указанию Ставки поставил этим группам задачу: нанести контрудары из районов Белый—Ярцево—Рославль в общем направлении на Смоленск, ликвидировать прорвавшиеся войска противника и соединиться с основными силами войск фронта, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска.

Во второй половине июля бои в районе Смоленска и восточнее его приобрели крайне ожесточенный характер. На всём фронте враг наталкивался на активное противодействие частей Красной армии.

23 июля начали наступление войска 28-й армейской группы из района Рославля, а 24 и 25 июля — из района Белый—Ярцево, обходя Смоленск с севера и юга, начали наступление войска 16-й и 20-й армий. Противник сразу же подтянул в район Смоленска дополнительные силы и пытался здесь разгромить окружённые войска 16-й и 20-й армий Западного фронта. Сражение носило крайне ожесточённый характер. При помощи войск группы К. К. Рокоссовского, в составе которой были и танковые части, большинству частей 16-й и 20-й армий удалось с боями вырваться из окружения южнее Ярцева и выйти на восточный берег Днепра, где они соединились с главными силами фронта и перешли к обороне”.

В Москве из резерва Генштаба Рокоссовскому выделили войско — “две автомашины со счетверёнными зенитными пулемётными установками и расчётами при них, радиостанцию и небольшую группу командиров”.

С этим грозным “соединением”, как проницательно называл маршал свою полштабную группу, в тот же день он прибыл в район Касни и, отыскав штаб Западного фронта, представился комфронта маршалу С. К. Тимошенко.

Штаб свой маршал Тимошенко разместил с удобствами — в бывшем главном доме усадьбы князей Волконских. Но опасно — дом приметный. К тому же квартирьеры не позаботились об элементарной маскировке. Возле дома — постоянно туча штабных и прочих машин. Все дороги протоганы сюда. Даже тропинки вокруг главного дома, словно специально для того, чтобы лучше было видно сверху, были заботливо отсыпаны ярким речным песком с галькой... В начале октября немецкие бомбардировщики произведут массиванный налёт и так раскатают усадьбу, что от построек останутся одни руины. Погибнут и будут ранены многие офицеры и штабные работники. Осколок авиабомбы насмерть сразит заместителя командующего по укрепрайонам генерал-майора И. П. Михайлина.

Маршал Тимошенко встретил своего невольного крестника очень тепло. Представил членам Военного совета фронта Н. А. Булганину и начальнику политуправления Д. А. Лестеву. Тут же ввёл в курс последних событий, которые оказались более сложными, чем московская сводка: 2-я и 3-я танковые группы противника, не дожидаясь отступающих основных сил 9-й и 2-й полевых армий, на некоторых участках прорвали нашу оборону и устремились в глубину; со всей очевидностью вырисовывалось стремление группы армий “Центр” расцечь в нескольких направлениях боевые порядки Западного фронта с последующим окружением и уничтожением главных сил именно здесь, в районе Смоленска, чтобы дальше, до Москвы, идти уже маршем, не встречая сколько-нибудь значительного сопротивления.

— В первом эшелоне дерутся две наши армии, — пояснил Тимошенко. — Двадцатая Курочкина и Девятнадцатая Конева. Особенно тяжело Курочкину. Его дивизии давно в боях, сильно истрёпаны. Резервов нет. Отдал ему Пятый мехкорпус Алексеенко. Вот ты, Константин Константинович, сокрушаешься, что мехкорпуса пошли в бой разрозненно и по частям. А ведь и Пятый тут так же вводился. Передали его Курочкину из Шестнадцатой армии. Бросали в бой то дивизией, то полком, а то и батальоном. Что поделаешь, других резервов нет. Эшелон разгрузится и — в бой. Другой подойдёт и — в бой.

Генерал Конев, как узнал из донесений в штаб фронта Рокоссовский, “со своими соединениями по мере их выгрузки пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, но безуспешно”. Тоже сосредоточенного удара не получилось. Некоторые эшелоны с его дивизиями железнодорожники и вообще загнали на Валдай. Дошло до Верховного, тот устроил крупную разборку. Но время уже ушло.

Генерал Лукин со своей 16-й армией всё ещё держался в Смоленске. Тимошенко говорил о нём с уверенностью: мол, две дивизии 16-й, оставшейся без поддержки 5-го механизированного корпуса генерала И. П. Алексеенко, прочно удерживают город.

— Лукин сидит в мешке и уходит из него не собирается, — сказал Тимошенко. — Горловину мешка контролирует отряд полковника Лизюкова. Он закрепился на Ратчино-Соловьёвской переправе и не даёт немцам отрезать Лукина. Через переправы идёт подвоз. Лизюков — надёжный командир. — И Тимошенко посмотрел на Рокоссовского.

В этом взгляде маршала было многое. С полковником Лизюковым Рокоссовский сидел в “Крестах” в одно время и по одному делу. Их, “шпионов” и “фашистов”, допрашивали одни и те же следователи, в том числе и мрачный маэстро “Крестов” и НКВД всей Ленинградской области, комиссар госбезопасности 1-го ранга Заковский. В “Крестах” полковника Лизюкова продержали двадцать два месяца, из них — семнадцать в одиночной камере. И Лизюкова, и Рокоссовского на допросах назвал командарм 2-го ранга И. А. Халепский. Лизюков пыток не выдержал, начал давать “показания”. Но мужества ему всё же хватило — никого не оговорил, а свою “вину” признал полностью. Чтобы прекратить издевательства следователей, подписал “добровольные признания”: “собирался совершить террористический акт в отношении наркома Ворошилова и других руководителей ВКП(б) и советского правительства путём наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов...” Его расчёт — наговорить на себя самую абсурдную нелепость — оправдался в буквальном смысле. 3 декабря 1939 года состоялось судебное заседание Военного трибунала Ленинградского военного округа — полковник Лизюков был оправдан. Его восстановили в войсках в прежнем звании “полковник” и назначили преподавателем в Военную академию механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина.

Были ли знакомы они до ареста, неизвестно. Но о том, что с момента встречи на Днепре летом 1941 года их взаимоотношения были хорошими, свидетельствуют положительные, а порой почти восторженные оценки и высказывания маршала о своём бывшем подчинённом.

Лизюкова оправдали в декабре 39-го.

Первый суд над Рокоссовским состоялся в начале 39-го. Второй — осенью того же года. Почти год прошёл между первым и вторым судами. Второе заседание снова не признало за ним вины. Так почему бы сразу не отпустить? Как Лизюкова. Нет, он сидит, видимо, в “Крестах” ещё полгода. Весной без всякого судебного заседания дело вдруг прекратили.

Где же на самом деле был он в это время? В тюрьме ли? В лагерях? Или, как утверждают некоторые биографы, его гоняли по этапам, чтобы измотать, сделать послушным, сломать? Такими вопросами задаются многие исследователи. И действительно, разгадки этой тайны пока нет. Архивы ФСБ молчат.

Да и зачем, если подумать, возить обвиняемого куда-то в Москву, если дело мог рассмотреть Военный трибунал Ленинградского военного округа? Да и зачем годы спустя Хрущёву было уничтожать “Дело Рокоссовского”? С Ленинградом и Ленинградским военным округом он был связан мало. Тщательно подчищались дела по Харькову и Украине. Загадка. Пока закрыты архивы, ответ на этот вопрос мы вряд ли найдём.

Из штаба фронта Рокоссовский уехал ночью.

Главное он услышал, когда уже прощались, когда пожали друг другу руки над развёрнутой картой, испещрённой красными и синими пометками.

— Подойдут регулярные подкрепления, дадим тебе две-три дивизии, — сказал маршал Тимошенко. — А пока подчиняй себе любые части и соединения и с ними организуй оборону на ярецком рубеже.

Генерал Батов в частных разговорах передавал беседу Рокоссовского с Тимошенко несколько иначе: когда генерал спросил о том, где его армейская группа и кем ему предстоит командовать, с кем закрывать ярецкий рубеж, маршал вывел его на шоссе, по которому сплошным потоком шли беженцы и солдаты разбитых частей. Порой в том потоке виднелась одинокая пушчонка, её тащила запряжка понурых, давно не кормленных лошадей, шли танкисты в чёрных комбинезонах, их танки остались брошенными за Дне-

пром и Северной Двиной, а то вдруг появлялся, соблюдая строй, при всём вооружении, с пулемётами и патронными коробками стрелковый взвод или даже целая рота, с лейтенантами. “Вот твоё войско. Отдели от него гражданских. Остальные — твои”, — так ответил маршал на вопрос генерала.

Дорога на Ярцево лежала через Вязьму. По всей вероятности, именно там Рокоссовскому удалось переподчинить себе некоторое количество войск. В мемуарах он напишет: “В короткое время собрали порядочное количество людей. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, сапёры, пулемётчики, миномётчики, медицинские работники... В нашем распоряжении оказалось немало грузовиков. Они нам очень пригодились...”

Так началось в процессе боёв формирование в районе Ярцево соединения, получившего официальное название “Группа генерала Рокоссовского”.

Прибыв в район Ярцева, Рокоссовский сразу же переподчинил себе все части и подразделения, окопавшиеся здесь. Кроме того, специально сформированные группы из надёжных бойцов и командиров продолжали останавливать бредущие на восток толпы и одиночек из разбитых частей и направлять их в места сбора. Там этот разношёрстный поток, поступавший в основном из-под Смоленска и Витебска, формировали в роты и батальоны.

К тому времени немецкие авангарды уже переправились через реку Вопь и захватили Ярцево. Попытку развить наступление дальше Рокоссовский пресёк силами 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова. По всей вероятности, от него он узнал, что Смоленск уже пал. Вскоре стало известно, что сражение вокруг города догорает, контратаки с целью вернуть Смоленск быстро выдохлись. Что с дивизиями Курочкина, неизвестно. Из 19-й Конева и 16-й Лукина тоже никаких вестей. Лишь отрывочные сведения от раненых, которые всё ещё брели по шоссе в сторону Вязьмы. Но что могли сообщить раненые, в рассказах которых последние события всегда окрашены мрачными тонами...

В район Ярцева Рокоссовский с группой офицеров и собранными в пути разрозненными отрядами прибыл ночью 17 июля. А накануне немцы выбросили вперёд десант — два батальона на танкетках и бронетранспортёрах при пулемётах и миномётах. Их встретил местный истребительный отряд — комсомольцы, милиция, партработники, учителя... Почти все они погибли в первой же схватке. Немецкий десант истребительный отряд встретил на западном берегу реки и на какое-то время связал боем. Расправившись с комсомольцами, немцы оседлали шоссе Минск-Москва и устремились к железнодорожной станции и мостам.

Рокоссовский, изучив разведдонесения, немедленно приказал полковнику Кириллову атаковать противника в городе, пока десантники не успели растечься повсюду и закрепиться.

Вся дивизия полковника Кириллова состояла из одного полка — 48-го Зерноградского майора Шеремета, — разведбатальона капитана Колесникова, который ещё выгружался на железнодорожной станции, 214-го лёгкого артполка, роты плавающих танков Т-28 старшего лейтенанта Алексашина, штаба и различных служб. В бой пошли все.

Этот пожилой полковник, искренне радовавшийся, что у боевого участка появилось начальство, способное отдавать ясные и конкретные приказы, оказался толковым командиром. Он организовал атаку города так, что через несколько часов немецкий десант почти полностью был истреблён. Несколько десятков человек захватили в плен. Бой продолжался на западном берегу Вопи на железнодорожной станции. Там до роты десантников укрылись в каменном пакгаузе и отчаянно оборонялись, явно не желая оставлять станцию. Как вскоре выяснилось, ждали подхода основных сил.

Рокоссовский, наблюдая за ходом боя, усилил атаку полковника Кириллова гаубичной батареей. Гаубицы выкатили на прямую наводку и быстро подавили огневые точки противника. Пакгаузы были очищены от остатков десанта.

Утром Рокоссовский отправил в Касню маршалу Тимошенко шифровку: “38-я дивизия выполнила свою задачу по уничтожению вражеского десанта в районе Ярцева”.

Но это было только начало. Окопавшиеся под Ярцевом хорошо это понимали и спешно создавали более основательную оборону. Ставили в окопы всех, кого можно. Подходили и подходили новые войска, в основном остатки разбитых и рассеянных корпусов, дивизий, полков. Иногда сформированными уже в пути и вполне боеспособными, при оружии, ротами, батальона, а то и целыми полками. Переподчинялись штабу Ярцевской группы войск (так вскоре стали называть в сводках и приказах группу Рокоссовского) подразделения и соединения, действовавшие на участке ответственности нового формирования. В Ярцевскую группу войск вошёл и сводный отряд полковника Лизюкова, а также артиллерийские подразделения генерал-майора И. П. Камеры, части из остатков 7-го механизированного корпуса во главе с полковником М. С. Малининым. На базе штаба мехкорпуса был создан полноценный штаб Ярцевской группы. Возглавил его полковник Малинин.

Рокоссовскому повезло. Так бывало и будет ещё не раз — в самые тяжёлые минуты сражения бог войны посылал ему в помощь то невесть откуда взявшийся батальон резерва, тот самый, о котором ещё Наполеон говорил как о решающем факторе всей битвы, то нужных помощников, надёжный офицеров. Под Ярцевом — штаб полковника Малинина, артиллеристов генерала Камеры.

С Иваном Павловичем Камерой Рокоссовский был знаком давно. Камера командовал конным артиллерийским дивизионом в его 5-й отдельной Кубанской бригаде, с которой они ходили в поход на КВЖД в 1929 году. Рокоссовский был рад и неожиданной встрече со старым боевым товарищем, и тому, что бог войны послал ему опытного артиллериста и храброго солдата как раз в тот момент, когда именно такого человека здесь, в почти безнадежных обстоятельствах под Ярцевом, и не хватало. Эшелон с артиллерией 19-й армии и штабной группой железнодорожники загнали глубоко в тыл. Генерал Колев с разрозненными, так и не собранными в единое войско частями 19-й армии держал фронт под Витебском. Составы продолжали поступать с юга. Чтобы они не попали под удары немецкой авиации, железнодорожники загоняли их на второстепенные ветки, и войскам приходилось разгружаться настолько далеко от мест сосредоточения, что зачастую, пока колонны шли к фронту, те районы оказывались уже захваченными противником. И подразделения, подчиняясь ходу событий, переподчинялись начальникам тех боевых участков, в непосредственной близости к которым оказывались прибывающие войска.

Так случилось и с артиллеристами генерала Камеры.

С полковником Малининым Рокоссовский тоже был знаком по совместной службе в Забайкалье. Здесь, на ярцевских высотах, они окончательно сработались, как говорят, сошлись характерами. Вместе пройдут почти всю войну. Михаил Сергеевич Малинин будет ценить в своём непосредственном начальнике изобретательный и гибкий ум тактика, высокую человеческую культуру и порядочность. А Константин Константинович в своём первом помощнике — надёжностью правой руки, академическую образованность, усиленную полевым опытом, способность быстро реагировать на постоянно меняющуюся обстановку и человеческое постоянство. Они не потеряют дружеских отношений и после войны.

Однажды под Ярцевом разговорились о тревогах семейных. Рокоссовский всё ещё пребывал в неведении по поводу судьбы своей семьи. Как оказалось, та же печаль беспокоила и полковника Малинина: он переживал, что жена могла не успеть эвакуироваться в тыл, когда немцы прорвали фронт под Витебском. Впоследствии на очередной запрос он получит извещение о её гибели. В 1944 году Малинин, к тому время уже генерал, встретит и полюбит другую женщину. “В 1944 году было решено проводить очередную сессию Верховного Совета СССР на освобождённой территории. Белорусскую делегацию возглавляла Председатель Верховного Совета Белорусской ССР Надежда Григорьевна Грекова. Она приехала в распоряжение 1-го Белорусского фронта. Встречал её Рокоссовский. В мемуарах очевидцев описана следующая история. Накануне сессии Сталин о чём-то разговаривал по телефо-

ну с Рокоссовским и в конце беседы якобы сказал: “Вы знаете, что Грекова не замужем? Ваш Калинин — вдовец. Прекрасная была бы пара!” Очевидно, они произвели друг на друга сильное впечатление. Сразу возникла взаимная симпатия. Через месяц в Овруче они зарегистрировали брак”.

Это рассказ о том, как встретились его родители, сына генерала Калинин и Надежды Григорьевны Грековой Михаила Михайловича Калининна.

До сих пор потомки маршала Рокоссовского и генерала Калининна, собираясь вместе, любят рассказывать эту историю, в которой Рокоссовскому пришлось выступить в роли свахи.

Но это ещё не вся история генерала Калининна. В том же 1944 году в ходе операции “Багратион” советские войска освободили от оккупации большие территории, многие города и сёла, в том числе и концлагеря. Из распахнутых ворот одного из тех лагерных барачков выйдет женщина, которая на вопрос офицера, выдававшего справки, как её фамилия и кто она, ответит, что она Калининна — жена полковника Калининна, начальника штаба 7-го механизированного корпуса.

Но вернёмся под Ярцево, где тогда всё полыхала и содрогалась земля и где решалась судьба не только Москвы, но и всей войны.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы понять и замысел противника, и незавидное положение армий, оставшихся западнее и юго-западнее в районе Смоленска. Ярцево — узел дорог: автострады Минск-Москва и железной дороги Смоленск-Москва. От Ярцева веером расходятся большаки и дороги местного значения — на Белый, на Духовщину, на Дорогобуж к Соловьёвой переправе. Захватом Ярцева немцы решали сразу несколько задач: отсекали отход для 19-й, 16-й и 20-й армий и замыкали, таким образом, очередной “котёл”, обеспечивая себе марш на Вязьму и дальше к Москве.

Утром 19 июля полковник Кириллов доложил в штаб Ярцевской армейской группы, что город и железнодорожная станция полностью очищены от неприятеля. В полдень разведка доложила, что со стороны Мушковичей по шоссе движется колонна немецких танков. К городу подходили авангарды 7-й танковой дивизии группы армий “Центр”. Они обошли Смоленск с севера и форсированным маршем двигались к Ярцеву, чтобы сомкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки Западного фронта.

Седьмая танковая — одна из лучших панцер-гренадёрских дивизий 2-й танковой группы Гудериана. Сформирована в Тюрингии. Во Французской кампании под командованием генерала Роммеля она прорывала линию Мажино. На Восточном фронте с самого первого дня. Участвовала в окружении советских войск в районе Минска. Под Лепелем дралась с 7-м танковым корпусом и нанесла ему поражение. Командовал дивизией танковый генерал барон фон Функ.

Снова судьба столкнула Рокоссовского с бароном...

Батальоны полковника Кириллова, усиленные артиллерией и лёгкими танками, не дрогнули. Организовали оборону. “Пять — против тридцати!..” Но подержаться долго не могли.

К вечеру, прямо с марша, Рокоссовский бросил на Ярцево резерв — переподчинённую приказом комфронта 101-ю танковую дивизию полковника Г. М. Михайлова.

Григорий Михайлович Михайлов, опытный танкист и хороший тактик, прекрасно понимая, что перед ним не японцы на лёгких танках, а вояки с огромным опытом современной войны, построил боевой порядок следующим образом: впереди поставил семь тяжёлых “КВ”, за ними несколько Т-34, а затем лёгкие танки и бронемашины. На броню сел десант — батальоны 101-го мотострелкового полка подполковника Воробьёва. Атака была успешной, но кровопролитной. Немцы ушли на западный берег Воши.

Но вскоре снова атаковали. По показаниям пленных и документам убитых стало ясно, что к Ярцеву противник подтянул новый резерв — 20-ю моторизованную дивизию генерала Цорна. Эта дивизия всегда действовала

в паре с 7-й танковой. Отличилась при захвате мостов через Неман и в боях под Вильнюсом. Затем запечатывала “котёл” в районе Минска.

Немцы тут же перегруппировались и повели наступление вдоль железной дороги и шоссе. К исходу 22 июля после массированного налёта “юнкеров” батальоны полковника Кириллова и части 101-й танковой дивизии отошли в леса юго-восточнее Ярцева.

С захватом Ярцева и узла дорог наши армии, действующие юго-западнее в районе Смоленска, оказались в оперативном окружении. Задачей же Ярцевской армейской группы было как раз не допустить ещё одного “котла” на московском направлении и удерживать коммуникации первого эшелона открытыми.

Началась подготовка к контратаке. Контратака. И — снова налёт “юнкеров” и атака немецких танков с густыми цепями пехоты. И так — несколько раз.

Судьба многих смоленских городов оказалась схожей. Они переходили из рук в руки, от улиц и домов оставались одни руины и пепелища. Бойцы оккупывались в огородах, выдалбливали в фундаментах сгоревших домов амбразуры, танковые траки крошили горячие кирпичи, превращая их в пыль, которая тут же поднималась в небо от разрывов артиллерийских и миномётных боеприпасов. Рудня, Ярцево, Ельня, Рославль, Спас-Деменск...

Местные хроникары свидетельствуют: “С 22 июля по 2 августа железнодорожная станция Ярцево восемь раз переходила из рук в руки и, в конце концов, осталась за бойцами 38-й дивизии. За эти дни перед фронтом Донской дивизии враг потерял 3 570 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 16 человек пленено, уничтожено пять танков, 15 орудий, 50 автомашин, шесть мотоциклов, 34 миномёта и 48 пулемётов, сбито пять вражеских самолётов”.

Штаб Западного фронта укреплял Группу Рокоссовского как мог. Левый фланг надёжно закрыл 44-й корпус комдива В. А. Юшкевича. На переправах через Днепр в районе села Соловьёва положение контролировал сводный отряд полковника Лизюкова. Вскоре отряд Лизюкова перешёл в оперативное подчинение штабу Ярцевской армейской группы, а затем и 16-й армии.

Переправа и была горловиной мешка, в который угодили армии, пытавшиеся удерживать позиции в районе Смоленска. Немцы всячески старались перехватить горловину и затянуть мешок. Но отряд Лизюкова не позволял им поставить точку в масштабной операции, тщательно разработанной в немецких штабах.

Эта старинная переправа в истории войн и набегов на русские земли известна ещё с XV века. Через Соловьёв перевоз переправлялись войска литовских князей. Путь их в московские волости лежал через эти мели и пологие песчаные берега, весьма удобные для переправы с одного берега на другой и большого количества повозок, и пешей рати, и лошадей. Здесь же перевозились то с правого на левый берег, то назад польские войска. В 1812 году нахлынули французы, а с ними германцы, итальянцы, поляки и вся остальная Европа. “Казачи Платова и отряд генерал-майора Юрковского, — читаем в местных хрониках, — атаковали арьергард главных сил противника на Соловьёвой переправе. Посланные вперед отборные стрелки Первого егерского, Московского драгунского и казачьего полков обезвредили французские посты на левом берегу Днепра и, рассыпавшись в цепь, открыли огонь по переправе.

В замешательстве, вызванном внезапным появлением казаков, егерей и драгун, французские солдаты теснили друг друга, падали с узкого моста, тонули в реке. Вовремя подоспевшие к месту боя артиллеристы метким огнём своих орудий разрушили укрепления на правом берегу Днепра и нанесли большой урон силе противника. На Соловьёвой переправе враг потерял несколько сот солдат и офицеров убитыми, тысячу пленными, 21 орудие и большой обоз”.

Тогда вместе с русскими войсками из Смоленска уходила через Соловьёву переправу и Надвратная Смоленская икона Божией матери Одигитрия. Перед отправкой в глубину России с иконой обошли весь город. Во время

молебна постоянно произносили евангельское: “Пребысть же, Мириам с нею яко три месяца и возвратися в дом свой...” И Она через просимый народом срок — через три месяца — в освобождённый Смоленск вернулась.

Днепровская вода смыла и литву, и ляхов, и всю просвещённую Европу. И вот пришли новые. Оттуда же. Им переправу отдавать было нельзя — на свой, восточный берег предстояло переправить войска первого эшелона, отходившие из района Смоленска.

Бои на ярцевских рубежах запомнились маршалу на всю жизнь. Даже спустя годы, засев за мемуары, он мгновенно вспомнил всю диспозицию и основные события: “Наша оборона по необходимости носила линейный характер. Второго эшелона не было. В качестве резерва я мог использовать два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева — Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замошья располагался 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надёжно обеспечены в противотанковом отношении. А это немало!.. 38-я стрелковая дивизия оборонялась восточнее Ярцево по берегу реки Вошь. Танковые полки 101-й танковой дивизии занимали выгодное положение для контратаки в случае прорыва немцев вдоль автострады”.

В масштабах войны, и даже Западного фронта, ярцевская оборона представляла собой сравнительное небольшое тактическое построение. Но для солдат и офицеров, которые составляли это построение, их судьба и судьба всей войны решалась именно здесь. Так внушил им командир. Этим духом был наполнен и он сам, и его надёжный штаб.

Свой штаб Рокоссовский начал сколачивать именно здесь. На основе штаба 7-го механизированного корпуса и группы офицеров, с которой прибыл сюда, на Вошь и Днепр. С этим ярцевским штабом Рокоссовский пройдёт через всю войну, до Вислы, и только там расстанется, оставив его маршалу Жукову, назначенному Ставкой на 1-й Белорусский фронт и берлинское направление.

Ощетинившись штыками и артиллерией, Рокоссовский смог создать в районе Ярцева такой монолит, такой ДОТ, который противник так и не смог сокрушить ни танковыми атаками, ни артиллерией, ни авиацией. Ни хитростью, ни силой.

В ночь на 29 июля по приказу Ставки войска 16-й армии покинули осаждённый Смоленск. Начался марш на выход. Весь этот поток устремился к горловине “мешка”, к Соловьёвой переправе. На оставляемых позициях продолжали драться заслоны. Они держались вплоть до 10 сентября. Судьба многих из них оказалась трагичной.

Атмосферу выхода из окружения через Соловьёву переправу весьма точно передал в своих воспоминаниях бывший военврач одного из арtpолков 16-й армии Борис Иванович Феоктистов: “Наш организованный отход был вскоре нарушен бесконечными налётами самолётов, затем распространилось известие, что немцы высадили десант, и мы оказались не то в “клещах”, не то в окружении.

Единственным местом, где не было немцев, оставалась понтонная переправа через Днепр в районе деревни Соловьёво. Вот на эту переправу устремились все. Это уже не было организованным отходом, это было бегство. Вперёд, то есть назад рвались, обгоняя друг друга, машины, повозки, верховые, пешие. Среди машин и повозок было много санитарных, с ранеными. Подгоняемые страхом, уже никто не уступал им дорогу, все рвались к переправе. Когда мы подъехали на своей повозке к переправе, то увидели море людей и всевозможного транспорта. Самой переправы не было видно, к ней не подступиться. Образовалась пробка, пропустить которую “ниточка” понтонного моста была не в состоянии. Немецкие самолёты безнаказанно бомбили и обстреливали скопище возле переправы. Это был кошмар. Вой сирен, взрывы бомб, крики раненых и людей, обезумевших от страха. Люди бегут, раненые ползут, таща за собой окровавленные лоскуты одежды, длинные по-

лосы бинтов с соскочивших повязок. Я не полез в гущу толпы к переправе и к моменту налёта авиации был на краю скопления. С налётом авиации я упал в небольшое углубление, напоминающее отлогий окоп, и там увидел знакомого врача, Фишера, он был старшим нашей группы на сборах в Иркутске. Встреча не принесла нам радости, каждый из нас высматривал, куда бы отползти подальше от этой жуткой картины безнаказанного избиения людей.

Поток людей двинулся в сторону от переправы, притягивающей к себе внимание противника. Я шёл в общей массе людей, неизвестно к каким полкам принадлежавшим, но знал, что и наш полк в таком же положении, так же ищет спасения на противоположном берегу Днепра. Это было не только бегство, это была паника, и я не был исключением, я тоже бежал, но оглядывался по сторонам. Видел, как сбоку от нашей бегущей толпы была позиция немецкого орудия, и расчёт методически стрелял из небольшой пушки по нам. Видели это многие, но бежали, не останавливались.

Видно было, как несколько немецких автоматчиков стреляли по нам, но расстояние было значительным, и стрельба из автоматов не приносила вреда. Пробежав некоторое время, я почувствовал, как что-то толкнуло меня в правое ухо, мелькнуло в виде искры, и впереди бегущий упал ничком с разорванной спиной в области лопаток. Видимо, немцы стреляли по нам из противотанковой пушки болванками. Добежав до берега, с ходу все бросались в воду. Но вода спасала не всех. Начался миномётный обстрел по Днепру, опять шум выстрелов, крики раненых, крики барахтающихся в воде, но масса людей, несмотря ни на что, с расширенными от ужаса глазами, старалась как можно быстрее добраться до противоположного берега. Я плохо помню, как доплыл до спасительного берега и уже там свободно вздохнул. Здесь было тихо, обстрела не было, люди стали группироваться, разыскивать свои части. То тут, то там разводили костры и обсушивались. Да, Соловьёва переправа — это одна из огромных трагедий начала войны”.

А тем временем Ярцевская армейская группа была преобразована в 16-ю армию. Рокоссовский возглавил новое соединение. Под его командование перешли остатки дивизий и частей, вышедших из района Смоленска.

Из книги “Солдатский долг”: “А затем мы начали переходить в наступление, нанося немцам удары то на одном, то на другом участке, и нередко добивались успеха. Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это много значило. <...> Всё это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас “признало”, если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцево, наносило массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощь вражеского артиллерийского и миномётного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю”.

Командующий группы армий “Центр” фельдмаршал фон Бок в дни ярцевского противостояния записывал в свой дневник:

“19/7/41... У нас* состоялся короткий нелицеприятный обмен мнениями, в результате которого выяснилось, что под Смоленском противник предпринимает попытки вырваться из окружения в северо-восточном и северо-западном секторах фронта. Кроме того, 7-я танковая дивизия (Функ) и 20-я танковая дивизия (Штумпф) на севере от Смоленска подвергаются атакам с восточного направления. Совершенно очевидно, что противник подтягивает новые силы из района Вязьмы”.

“20/7/41. Под Смоленском противник начал сегодня ночью мощное наступление. Крупные силы противника также наступали в направлении Смоленска с юга...”

В тот же день — в донесении Главнокомандующему фельдмаршалу фон Браухичу: “Танковая группа Гота неоднократно подвергалась атакам не

* Фон Бок разговаривал по телефону с командующим 4-й полевой армией фельдмаршалом фон Клюге.

только изнутри “котла”, со стороны Смоленска и с запада, но, равным образом, с восточного и северо-восточного направления. Наш план “захлопнуть калитку” на востоке от Смоленска посредством атаки 7-й танковой дивизии с северо-восточного направления потерпел неудачу по причине того, что эта дивизия сама неоднократно была атакована с восточного направления крупными силами русских при поддержке танков”.

“21/7/41. Утром пришло сообщение, что “дыра” на востоке от Смоленска закрыта. Однако вечером я получил совсем другие сведения. Лётчики сообщили, что крупные силы противника движутся из “котла” в восточном направлении. Весь день одна за другой следовали мощные атаки противника против южного фланга и фронта 2-й танковой группы (Гудериан), против восточного фронта 3-й танковой группы (Гот) и в направлении Смоленска.

Нельзя отрицать, что наш основательно потрепанный оппонент добился впечатляющих успехов! Рапорты воздушной разведки указывают на то, что противник задействует против нашего южного фланга дополнительные силы”.

“23/7/41. Подумать только, нам до сих пор не удалось заткнуть “дыру” в окружении на востоке от Смоленска!”

Пока ещё тон всесильного фон Бока снисходительно-высокомерен. Вскоре его сменит крайняя озабоченность. Записи станут сухими.

“2/8/41. Русские в течение ночи построили временный мост на восточном фронте “смоленского котла”... 3-я танковая группа пытается захватить переправу атаками с северного направления. Я отдал приказ 17-й танковой (Арним) и 20-й моторизованной (Цорн) дивизиям перекрыть противнику все пути отхода из “котла”.

“21/8/41. 7-я танковая дивизия безуспешно контратакует в секторе многострадальной 161-й дивизии. Можно сказать, 7-я дивизия основательно увязла там в боях, потеряв в процессе много танков. Остаётся только сожалеть, что не проявил большей настойчивости в вопросе о привлечении к этой атаке более значительных сил”.

Из мемуаров бывшего начальника штаба 4-й полевой армии генерала Блюментрига: “...сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских. Две полевые армии... удерживали три стороны “котла”, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток...”

Выход из смоленского “котла” продолжался до самой осени. Бойцы и командиры небольшими группами, порой в одиночку, ночами или во время утренних туманов пробирались через линию фронта, иногда с боем, с большими потерями.

Вышедших отправляли на сборные пункты. Проверяли. После проверки направляли прямо в окопы.

Рокоссовский часто бывал в окопах. Беседовал с бойцами. Наблюдал за противником. Особое внимание уделял общению с командирами переднего края. Понимал, что все штабные задумки и самые хитроумные решения исполнять именно им, офицерам-окопникам. Комбатам. Ротным. Взводным. Разговаривал, советовал, советовался, слушал их доклады. Потом, в штабе, накладывал эти окопные рассказы на донесения, анализировал.

Ценил силу личного примера.

Однажды во время очередного нажима противника с целью сбросить порядки 16-й армии с ярцевских высот бойцы не выдержали. Немцы атаковали танками с пехотой. Когда же их атаку отбили, налетели “юнкерсы”. И такой чёрной многочисленной тучей, что один из батальонов, прикрывавший основное направление и понёсший потери во время боя с танками, дрогнул. Бойцы начали вставать из окопов и побежали к ближайшему лесу. Сперва одиночками, а потом и группами.

Рокоссовский, находившийся в те минуты на НП противотанкового дивизиона, толкнул в бок генерала Камеру:

— А ну-ка, Иван Павлович, вставай. Пусть видят... — И первым встал на бруствер.

Генералы стояли на гребне земляной отсыпки и смотрели в бинокли на ту сторону, где готовились к атаке немецкие танкисты и пехота.

Одна из бегущих к лесу групп неслась прямо на НП. Увидели генералов. Побежали медленнее. Послышались голоса:

- Ты куда бежишь, сволочь такая!
- А ты?! Ты ж вперёд меня несёшься!
- Погрелись! Давай назад!
- Всем — назад!

Генералы переглянулись. Рокоссовский засмеялся. Над головой посвистывали пули. Сказал Камере:

— Повернули. Но каковы орлы! Только и оставалось им крикнуть: “Заманивай, ребятушки, заманивай!..”

А ведь этот поступок, без всякой иронии, из суворовских заветов: последний мой резерв — я сам...

— Пора, Константин Константинович, и нам в окоп. А то наблюдатели, видать, уже засекли наши командирские фуражки...

Рокоссовский ещё раз посмотрел в поле и спрыгнул в окоп. Солдаты уже добежали до своей траншеи и растекались по ней, готовясь к бою. Перетаскивали пулемёты. Командиры отделений расставляли гранатомётчиков. Паники как не бывало.

Через несколько минут началась танковая атака, но тут же захлебнулась под огнём противотанковых пушек. Стрелки дружным винтовочным и пулемётным огнём отсекали пехоту, жавшуюся за танками. Загорелся один танк, другой... Генерал Камера ликовал. Он передавал приказы своим артиллеристам, но те уже работали в привычном режиме, зная своё дело и без генеральской подсказки.

О другом подобном случае Рокоссовский с мягким юмором рассказал в своих воспоминаниях: “Среди бегущих оказался бывалый солдат-усач, из тех, кто воевал ещё в первую империалистическую. Он-то и не растерялся в трудную минуту. Бежит и покрикивает:

— Команду подай!.. Кто команду даст?.. Команда нужна!..

Бежал, бежал да сам как гаркнет:

— Стой! Ложись! Вон противник! Огонь!”

Спустя годы бывший командир 3-й танковой группы генерал танковых войск Гот, чьи боевые машины горели перед позициями 16-й армии, размышлял в своих мемуарах: “Окружение и разгром многих дивизий противника под Смоленском не обеспечили 3-й танковой группе свободы оперативного маневра в восточном направлении, как это произошло под Минском.

...Под Минском со стороны русских не предпринималось сколько-нибудь серьёзных попыток оказать окружённым дивизиям помощь извне; русские ограничились тем, что создали новый рубеж сопротивления несколько сотен километров восточнее Минска, за Днепром и Западной Двиной. Иначе было под Смоленском. Наши передовые части, продвигавшиеся на восток, уже под Ярцевом и на реке Вопь натолкнулись на сопротивление сосредоточившихся остатков частей противника, избежавших окружения; вскоре противник, подтянув свежие силы, предпринял ряд ожесточённых атак с целью восстановления связи с окружёнными войсками”.

Герман Гот был талантливым танковым командиром, достойным противником. Мемуары его отличаются той же строгостью суждений, обдуманностью, солдатской прямоотой и лаконизмом.

Гот отдаёт честь не только генералу Рокоссовскому и другим командирам и командующим, удерживавшим своими войсками оборону на линии Рославль—Ельня—Ярцево—Духовщина—Андреаполь—Селигер, но и командованию Западного фронта. Штаб маршала Тимошенко сделал почти невозможное — организовал устойчивую оборону на новых рубежах и основательно застопорил “блицкриг” на дальних подступах к Москве.

Тимошенко время от времени подбрасывал Рокоссовскому резервы. Танковые батальоны, маршевые роты, коммунистические отряды, артиллерийские дивизионы, гвардейские миномёты, противотанковые батареи.

Артиллерия утвердила себя поистине богом войны именно на ярцевских высотах.

Генерала Камеру вскоре отозвали в Москву, он получил новое назначение и стал командующим артиллерией Западного фронта. Начальником артиллерии 16-й армии назначили генерал-майора В. И. Казакова. Он прибыл под Ярцево в составе всё той же штабной группы 7-го механизированного корпуса. Артиллерист, как говорят, от Бога, с прекрасным академическим образованием. Так же, как и генерал Малинин, он прослужит рядом с Рокоссовским всю войну. Кроме последних месяцев, когда Рокоссовского в должности командующего войсками 1-го Белорусского фронта сменил маршал Жуков.

Пожалуй, пора сказать и о том, что Рокоссовский обладал, кроме полководческого таланта, ярко выраженным даром руководителя, организатора, умеющего в самое короткое время создать, сплотить коллектив профессионалов, способных выполнить задачу любой сложности.

Все, служившие в разные годы рядом с Рокоссовским и под его началом, вспоминали о нём с неизменной теплотой. Их отзывы однозначно комплиментарны. Но стоит заметить, изначально было всё же уважение по отношению к ним самого командующего. Как говорят: за добро — добром...

“Мне нравилось, — напишет он после войны, — что мои помощники, люди образованные и влюблённые в военное дело, умели отстаивать своё мнение. Приходилось иногда подумать над предложением. Прикинешь и скажешь: “Правильно, я упустил, давайте сделаем тут по-вашему...” Очень характерная черта. Ведь и сам умел отстаивать своё мнение. При всей кажущейся мягкости и уступчивости в какой-то момент становился твёрдым, как скала. Тюрьма закалила, сделала его породу ещё прочнее и твёрже.

Маршал В. И. Казаков, оставивший обширные мемуары, в одной из книг пишет: “...глубокой ночью 22 июля 1941 года... штаб 7-го механизированного корпуса, начальником артиллерии которого я был, получил приказ войти в подчинение Рокоссовского и составить штаб группы войск, которой он тогда командовал.

Немало поплутав по окрестным лесам в районе Ярцева, мы, наконец, разыскали своего нового командующего в расположении 58-й стрелковой дивизии. Нельзя сказать, чтобы Рокоссовский очень заботился о своих удобствах. Мы застали его спящим в своей легковой машине ЗИС-101.

Первая встреча с Рокоссовским оставила у нас какое-то двойственное впечатление. Константин Константинович был сдержан и уравновешен. Выводы о создавшейся обстановке он делал ясные, определённые и неопровержимые по своей логике. Высокий, стройный и подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью с чуть заметным польским акцентом.

Но первое наше впечатление испортил не очень радушный приём. В разговоре с ним мы уловили настороженность и даже признаки недружелюбия. Сначала было непонятно, в чём дело, но вскоре все объяснилось. Рокоссовский ждал, что к нему пришлют штаб 44-го стрелкового корпуса, и сомневался, сможет ли штаб механизированного корпуса справиться с управлением войсками. Но его опасения были напрасны. Не боясь показать нескромным, могу сказать, что штаб нашего корпуса был хорошо подготовлен, сложен и имел достаточный опыт в управлении даже общевоинскими соединениями. В новых условиях он сразу начал чётко работать и за короткий срок завоевал прочный авторитет в войсках и симпатию Рокоссовского.

Моё мнение имеет убедительное подтверждение. Группа войск Рокоссовского просуществовала недолго, а сам он в августе был назначен командующим 16-й армией, членом Военного совета которой был генерал А. А. Лобачёв. Армия уже участвовала в боях и, естественно, имела свой штаб. Однако Рокоссовский добился назначения представителей нашего штаба на основные руководящие должности. Так, начальником штаба 16-й армии стал полковник М. С. Малинин, начальником оперативного отдела — полковник И. В. Рыжиков; я был назначен начальником артиллерии, а майор Н. П. Сазонов — на-

чальником оперативного отделения штаба артиллерии армии. Это окончательно выявило отношение к нам Рокоссовского, с которым Михаил Сергеевич Калинин и я уже не расставались почти до конца войны.

С первых же дней боевых действий армии мы не раз имели возможность убедиться в том, что наш командующий — личность примечательная. К. К. Рокоссовский в те тяжёлые для нас месяцы не раз сам попадал в критическое положение и должен был принимать решения в крайне сложной и запутанной обстановке. И каждый раз мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек, поражаясь его самообладанию. Эти его качества благотворно влияли на весь личный состав штаба, создавая в нём атмосферу уверенности в правильности всех действий, которая была нам особенно нужна в наиболее тяжёлые месяцы суровых испытаний”.

Ярцево научило многому. Противостояние на Днепре и Вопи показало характер новой войны, силу врага и возможности своих войск. Именно здесь будущий маршал понял, в чём преимущество противника. Почувствовал опасность его быстрого маневра, способность жёстко контратаковать после временного оставления позиций, умение постоянно контролировать поле боя и взаимодействовать всеми родами войск, применять все имеющиеся средства. Танки противника как основную ударную силу прикрывала пехота и — наоборот. Авиация точно наводила огонь артиллерии. Миномёты помогали пехоте подавлять огневые точки.

“Самое первое, — наставлял фон Клаузевиц, — самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять командир, это определить тип войны, в которую он погружается; здесь нельзя ошибиться...”

Это была новая война. Ничего общего с тем, что он вынес из окопов Первой мировой, боёв в Даурии и на КВЖД. Другой противник. Умелый, опытный, хитрый, хорошо экипированный и прекрасно вооружённый.

Однажды офицерам штаба задал такой вопрос:

— Почему наша пехота в обороне почти не ведёт ружейного огня? Противник наступает, вот он, уже в зоне прицельного огня, а наши стрелки молчат.

— На то артиллерия, миномёты, — возразил кто-то из командиров полков.

— А пехота? Посмотрите, как ведёт себя противник. Стоит показаться нашим цепям в зоне видимости, из окопов — море ружейно-пулемётного огня! Прошу изучить все обстоятельства дела и доложить.

В тот же день выехал на передний край. С батальонного НП, где пригнувшись, а где и ползком, пробрался к линии окопов. Из ближайшей одиночной ячейки выглянул боец. С виду солдат старей, со стажем и опытом. Ячейка открыта по всем правилам — для стрельбы стоя. Спросил наугад:

— В империалистическую где воевал?

И не ошибся...

— Под Августовом, — отвечает.

Так. Значит, солдат бывалый.

— И каково сидеть одному в окопе?

Солдат пожал плечами и признался:

— Когда танками прёт, то и потрясывает. А так — ничего, земля-матушка бережёт.

— А почему потрясывает? После Августова солдата напугать трудно.

— Под Августовом мы, товарищ генерал, в траншеях сидели. Да и танков там у него не было. В траншее всё же не так боязно. Там хоть друг на друга посмотришь, и пугаться вроде совестно... А тут... Сидишь как есть один на всём поле. Есть кто рядом живой или нет? Не знаешь...

— А ну-ка, уступите. Ползите пока к пулемётчикам, у них окоп просторней. — И спрыгнул в щель, взял в руки винтовку, сел на подстилку из елового лапника, прислушался. Окопчик надёжный, отрыт правильно, со знанием дела, внизу подстилка. В нишах гранаты, котелок. Всё как надо. Но тоскливо.

Противник как раз начал орудейно-миномётный обстрел линии окопов. Иногда мины ложились с перелётом, в глубине обороны, в лесу. Тогда казалось, что бой переместился туда, и становилось ещё больше не по себе.

Из воспоминаний: “Сознание, что где-то справа и слева сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчинённых. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолёты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня всё время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнёздах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остаётся человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности, ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчинённых: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Система ячеечной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсуждали в своём коллективе и мои наблюдения, и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В этот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение командующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времён Первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему”.

В район Ярцева, как мы помним, Рокоссовский прибыл с гореткой младших офицеров и двумя зенитными установками счетверённых пулемётов. А через двадцать дней у него под рукой была уже армия. Ярцевская армейская группа приказом штаба Западного фронта была объединена с остатками 16-й армии, вырвавшейся из-под Смоленска. “После объединения армия представляла внушительную силу, — писал он в “Солдатском долге”, — 101-я танковая полковника Г. М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А. И. Лизюков, 38-я полковника М. Г. Кириллова, 152-я полковника П. Н. Чернышёва, 64-я полковника А. С. Грязнова, 108-я полковника Н. И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф. Т. Ремизова, тяжёлый артиллерийский дивизион и другие части.

Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск-Вязьма”.

Одиннадцатого сентября вышел указ о присвоении генерал-майору К. К. Рокоссовскому очередного воинского звания — генерал-лейтенант. А чуть раньше — о награждении орденом Красного Знамени. Четвёртым.

СУХИНИЧИ

Контрнаступление, начавшееся довольно удачно, хотя и кроваво, прокатившись железным катком по мёрзлым подмосковным, тульским, калужским и смоленским полям, вскоре стало замедлять своё движение на запад.

“Чем дальше отдалялись наши соединения и части от Москвы, — размышлял потом маршал, — тем больше возрастало сопротивление противника. Из документов, попадавших в наши руки, и показаний пленных стало известно, что Гитлер издал приказ о переходе к стратегической обороне. Тем самым ставилась задача во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск и, используя наиболее выгодные естественные рубежи и суро-

вые зимние условия, нанести им как можно больший урон, готовясь к летней кампании 1942 года”.

Жуков, в какой-то мере идя на поводу у Ставки и одновременно подстёгиваемый кавалерийским азартом, продолжал гнать войска вперёд. Начались неувязки. Особенно там, где наступление велось несобранно, дивизии направлялись в бой веерно, отдельными батальонами и группами, на расходящихся направлениях. Немцы сразу почувствовали ослабление давления и начали контратаковать.

Особенно неважно шли дела на левом фланге Западного фронта, в районе Сухиничей. Там действовала 10-я армия генерала Ф. И. Голикова. Свежая, укомплектованная полнокровными дивизиями и бригадами, она изначально атаковала из-под Серебряных Прудов на Михайлов и Белёв, переправилась через Оку, совершила широкий марш на Жиздринском направлении и завязла в районе Сухиничей и Кирова. Имея под рукой одну из самых мощных армий, Голиков топтался на месте, пропуская один за другим удары со стороны Варшавского шоссе и Жиздры одновременно. Сильная брянская группировка немцев, овладев Сухиничами, угрожала фланговым ударом с целью отбросить как можно дальше на север наши войска от основной магистрали Орёл-Брянск и таким образом значительно улучшить своё положение на зимовку. Если бы немцы удержали за собой Сухиничи и Юхнов, им ничего не стоило бы с окончанием зимы снова броситься на Москву.

Раздражённый неспособностью штаба 10-й армии ликвидировать сухиничскую группировку, которая продолжала удерживать важнейший узел коммуникаций и угрожала тылам дивизий, ушедших далеко вперёд, к Кирову, Жуков телеграфировал Голикову: “Почему части армии отходят без приказа и виновные в этом не несут ответственности, положенной по приказу фронта?.. Понятно ли Военному совету армии, что исключительная пассивность, отсутствие управления, беспечность привели к активности противника с целью вывода 216 п/д из Сухиничи? И второе: понятно ли Военному совету, что дальнейшие пассивные действия армии, игра в батальоны, игра в поддавки может развязать события и помешать нам в проведении главной операции фронта?”

Войска Западного фронта только что успешно завершили Калужскую наступательную операцию и совместно с армиями Калининского фронта приступили к Ржевско-Вяземской операции. Всё было напряжено. В том числе и нервы. Жуков пропихивал в “дыру”, образовавшуюся в районе Медыни и Износок, ударную группировку 33-й армии — на Вязьму. Армии левого крыла должны были бить вперёд на своих участках. Операция заглохнет в апреле, закончившись гибелью Западной группировки 33-й армии, её командующего генерала М. Г. Ефремова и полным истощением 10-й, 50-й, 49-й, 43-й и Восточной группировки 33-й армий. Вязьма останется в руках противника.

А тогда, в январском аду наступления, многим, в том числе и Жукову, казалось, что стоит нажать ещё немного, собрать в кулак последние силы и волю — и...

Жуков выслушал оправдания Голикова, понял его настроение и сказал: “Ваши наметки, исходящие из неуверенности, я осуждаю. С такими настроениями только в беспорядке отходят, а победы ждать не следует. Говорю вам из своего личного опыта, что тот командир, который оглядывается назад, никогда успеха не будет иметь”.

И заменил Голикова Рокоссовским.

Рокоссовский убывал с правого на левый фланг Западного фронта без войск, с одним полевым управлением. Войска и участок фронта передал соседям. Начальнику штаба генералу Малинину поручил командование штабной колонной, она перебрасывалась в район Калуги, а сам с членом Военного Совета А. А. Лобачёвым отправился сперва в штаб фронта, а потом в Москву.

Кстати, в штабной группе к новому месту службы убывала и военврач 2-го ранга Галина Васильевна Таланова.

Встреча с Жуковым была по-деловому короткой. Комфронта сразу предупредил, что резервов нет, чтобы по прибытии на место штаб 16-й может рассчитывать только на то, что сосредоточено в районе Сухиничей. Правда, одну дивизию Рокоссовскому он всё же дал — 11-ю гвардейскую полковника Чернышёва. Это была та самая дивизия, бывшая 18-я ополченческая, которую штаб Рокоссовского в октябре 41-го подобрал на пути из Вязьмы на Можайск.

Рокоссовский посмотрел на карту района: вокруг Сухиничей сосредоточены 322-я, 323-я, 324-я и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада. Они занимали участок фронта в шестьдесят километров. Подумал: наверняка дивизии растрепаны, но если в каждой по полку наберётся — хорошо, драться можно.

Словно угадывая его мысли, Жуков сказал:

— Надеюсь, что вы этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесёте мне об освобождении Сухиничей.

Рокоссовский сдержанно кивнул и сказал:

— Принимаю ваши слова как похвалу.

Они понимали: немцы удерживают сухиничский узел неспроста. Удерживая его, они не позволяют нашим войскам развивать наступление дальше, одновременно сохраняют плацдарм для возможного броска назад.

Ночевали Рокоссовский и Лобачёв в Москве. Разыскали начальника московской милиции В. Н. Романченко, сослуживца Рокоссовского по Даурии и боям на КВЖД. Виктор Николаевич жил один в своей просторной московской квартире. Семью отправил в эвакуацию. Старого боевого товарища принял со всей душой.

“В благоустроенной квартире моего товарища мы испытали блаженство, — вспоминал маршал ту встречу в гостях. — После ночёвок в машинах, окопах, землянках вдруг такая роскошь: горячая ванна, постели с чистым бельём. Светло, тепло и тишина — ни выстрелов, ни разрывов снарядов и бомб. На рассвете, плотно позавтракав, отправились в Калугу, куда в этот день должен был прибыть весь штаб”.

Виктор Николаевич Романченко не забывал своего боевого товарища во все дни московского противостояния. Узнав, что на Ламе под Волоколамском и Клином армией командует его бывший комбриг, тут же навестил его. Начал присылать необходимое снаряжение. За время боёв по его приказу в 16-ю армию из парка московской милиции было отправлено 300 машин. Однажды позвонил по ВЧ: “Константин Константинович, принимай пополнение...” И вскоре у штаба выгружался из грузовиков и строился в две шеренги, повзводно, батальон в милицейских шинелях. Прекрасно экипированный, хорошо вооружённый лыжный отряд. Его вскоре забросили в немецкий тыл для разведывательно-диверсионных действий. Связь поддерживали по радио. Разбившись на небольшие отряды, диверсанты комиссара Романченко взрывали немецкие штабы, резали провода связи, уничтожали склады и армейскую технику врага, добывали важные сведения. Статистика свидетельствует: каждый четвёртый московский милиционер в дни битвы дрался с врагом на фронте. Или даже за линией, в немецком тылу.

Дружбу они сохраняют на всю жизнь. После войны судьба их разведёт навсегда. Рокоссовский уедет в Польшу. Романченко попадёт под подозрение. В органах начнётся очередная чистка и перестановка кадров. Всплывёт девичья фамилия матери Виктора Николаевича Натальи Францевны Шведе. Проверки, разбирательства. На вопрос о немецких корнях он ответит: “А какое имеет отношение национальность коммуниста к его партийности?” Сошлют вначале в Новосибирск. Потом и вовсе переведут в Управление исправительно-трудовых лагерей. В 1950 году его тело найдут в служебном кабинете, по некоторым свидетельствам, “с запёкшейся кровью на затылке”.

Друзья поверялись временем, испытывались обстоятельствами. С годами их становилось всё меньше. Оставшихся Рокоссовский ценил, относился к ним бережно. Дружбе помогало качество, которое, как позвоночник осанку, удерживало его на протяжении всей жизни — верность. Неспособность к предательству. Это спасёт, в конце всех мучений и приключений, и семью.

Кто придумал эту операцию, неизвестно. Она была гениальной!

Следующую ночь штаб 16-й армии провёл в Калуге. Вот там и созрел окончательный план взятия Сухиничей.

Решили: в штабных и дивизионных колоннах, которые через недавно отбитый у противника Мещовск маршируют к Сухиничам, переговорные устройства не отключать, напротив, радиопереговоры усилить, давая понять противнику, который явно будет контролировать эфир, что к Сухиничам движется войсковая колонна основными силами 16-й армии. Во время переговоров называть номера дивизий, части усиления и фамилию командующего!

Генерал Лобачёв вспоминал: “При передвижении штаба М. С. Калинин шумел по радио как мог, запрашивая, где Рокоссовский, интересуясь, подходят ли дивизии”.

Отдавая распоряжение к началу движения, генерал Калинин пошутил:

— Атакуем с развёрнутыми знамёнами!

— Да! — засмеялся Рокоссовский, ещё не вполне веря в успех задуманного. — И с барабанами...

На следующий день в небольшой деревушке отыскали штаб 10-й армии. Хозяйство им доставалось незавидное. Дивизии — одни только номера и по полторы-две сотни бойцов. Да и те растянуты в нитку, так что нитка эта при первом же нажиме может лопнуть, и тогда начнётся то, что поправить наличными силами будет непросто.

— В штабе фронта мы получили сведения, что группировка фон Гильса вами окружена в Сухиничах, — выслушав доклад, сказал Рокоссовский.

Один из командиров дивизий, которая занимала позиции в непосредственной близости к городу, пояснил:

— Мы их окружили, знаете ли, флажками. Но опасаясь, как бы самим не очутиться в западне...

Стало ясно, что поставленная комфронта задача не соответствует ни силам, ни средствам, имевшимся в распоряжении Рокоссовского, ни реальной обстановке, сложившейся к этому времени в районе Сухиничей.

Однако приказ надо было выполнять. Начали собирать войска.

По плану, разработанному штабом, главный удар наносила 11-я гвардейская, а вспомогательный — более слабая 324-я дивизия генерала Н. И. Кирюхина.

Наступило утро 29 января. Ночью полки заняли исходные рубежи. Атака должна была начаться после артподготовки. Генерал Казаков, поглядывая на часы, уже снял с рычага телефонную трубку, чтобы отдать приказ артиллеристам открыть огонь. Но тут зазуммерил аппарат командира гвардейской дивизии. Генерал Чернышёв взял трубку. Докладывали из полка первого эшелона.

— Что случилось? — спросил Рокоссовский.

— Товарищ командующий, командир полка докладывает, что в расположение пришли жители города и сообщили: немцы поспешно покидают позиции и уходят. В Сухиничи выслана усиленная разведка и батальон пехоты с двумя танками.

Казаков поморщился, махнул рукой:

— Очередные немецкие штучки...

Действительно, не похоже было на то, что боевая группа фон Гильса покинула город. Буквально накануне поступили разведанные: гарнизон Сухиничей пополнился прибывшими со стороны Брянска частями 208-й пехотной и 18-й танковой дивизий.

“Как бы там ни было, — вспоминал маршал, — но я решил задержать открытие артиллерийского огня. Казаков передал приказ на батареи. Долетели звуки редкой перестрелки. Явно из города. Но стрельба не усиливалась. Что же там происходит?”

Через несколько минут командир 11-й гвардейской дивизии сообщил:

— Из штаба полка только что доложили: противник бежал из Сухиничей. Разведка, батальон с танками и полковая артиллерия уже в городе, а полк на подходе к нему.

Рокоссовский тут же отдал распоряжение на преследование. Генерала Калинина по телефону предупредил:

— До полного выяснения обстановки в штаб фронта о случившемся не доносить. Подготовить всё для перевода КП в город и сейчас же выслать ко мне оперативную группу со средствами связи.

Вскоре штабные машины въехали в Сухиничи. Повсюду виднелись следы поспешного бегства противника. Возле одного из домов, где размещался штаб фон Гильса, обнаружили вполне исправную легковую машину. Редкий трофей.

Город не был заминирован. Видимо, фон Гильс до конца был против оставления Сухиничей. Разведка застала в городе несколько групп немецких автоматчиков — прикрытие, обеспечивавшее вывод тяжёлой техники и орудий. С ними завязала бой.

Ударные подвижные группы 16-й армии начали преследование. Но уже в шести километрах к западу от Сухиничей натолкнулись на прочную оборону. И Кирюхин, и Чернышёв вскоре почти одновременно доложили, что преодолеть огонь противника не удаётся.

Рокоссовский, зная умение немцев отыгрывать временные неудачи мощными контратаками, приказал стянуть к Сухиничам всё, что можно, чтобы перекрыть возможные пути опорными пунктами и огнём артиллерии.

И только вечером позвонил в штаб фронта. Жукова на месте не оказалось, доложил начальнику штаба генералу Соколовскому: Сухиничи в наших руках. Вскоре от Жукова поступил запрос на подтверждение. Наконец, комфронта вызвал командарма-16 к прямому проводу.

— Поступило донесение о взятии вами Сухиничей. Хотел бы услышать от вас лично, соответствует ли оно действительности?

— Да, соответствует. Сухиничи — наши.

— Где ваш штаб?

— В Сухиничах. Говорю с вами из Сухиничей, — ещё раз подтвердил Рокоссовский.

— Где противник?

— Противник закрепился на линии Попково—Маклаки.

— Опасно, — на всякий случай предупредил Рокоссовского комфронта. — Скоро получите директиву на ближайшее время.

Вскоре разговор прервался. Что означало жуковское “Опасно”, можно было только догадываться. Однажды под Волоколамском в октябре комфронта выговорил ему за то, что штаб и КП загнав слишком глубоко в тыл. Упрёк уязвил. Однако малодушием Рокоссовский не страдал, и подобные упрёки забывались быстро.

О том, каково штабу и командному пункту 16-й армии приходилось под боком у противника, вспоминал генерал Лобачёв: “Сухиничи находились под артиллерийским обстрелом и днём, и ночью. Противник долбил нас методически вплоть до 8 марта. Артналёты следовали один за другим, по два, а то и по три раза на день. Иногда обстрел продолжался 20–30 минут. Даже баней не удавалось пользоваться в своё удовольствие. Однажды с командармом поддали пару той крепости, какую любит и терпит только русская кость. Банька вздрагивала от недалёких разрывов. Вошёл старый хозяин и одобрительно заметил, что дух подходящий, но посоветовал всё же заканчивать.

— Видишь, он рядом кладёт, долго ли до греха...

— Ничего, отец, — отвечал Константин Константинович. — Смерть будет лёгкая...

Артобстрел немцы вели из Попкова. Большое село, расположенное на высоте, господствовало над окружающей местностью. Фашисты превратили его в сильно укрепленный пункт, основательно насыщенный огневыми средствами. Вражеский гарнизон там насчитывал свыше полутора тысяч человек. На вооружении имелись и танки”.

Главное требование новой директивы штаба Западного фронта 16-й армии было таким: “Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы”.

В Ставке опасались нового прыжка группы армий “Центр” на Москву. В армиях центрального направления Гитлер заменил почти всех своих генералов, сделал значительные перестановки среди фельдмаршалов. Из Франции, внутренней Германии и даже Африки перебросил пехотные и танковые дивизии.

Командующий обсудил новую директиву со своим штабом и командирами дивизий и полков. Приказ есть приказ.

“Требование фронта было трудновыполнимым, — вспоминая Сухиничи, писал маршал. — Одно дело — изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что мы и другие армии и делали до перехода в контрнаступление. Но можно ли “изматывать и ослаблять” наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да ещё суровой зимой?”

После кровавого марша по подмосковным, тульским и калужским снегам, после изматывающих боёв и колоссальных потерь и командармы, и их солдаты ждали отдыха. Или хотя бы основательной передышки. Сделавшие своё дело, они рассчитывали, что вполне заслужили эту паузу. И Рокоссовский, и командующие соседних армий от пленных, из донесений агентурной разведки и лётчиков знали, что против них стоят более мощные группировки, и было бы благом, не истощая свои войска изнурительными атаками, какое-то время посидеть в глухой обороне, накопить сил, огневого ресурса, пополнить людьми дивизии и артполки.

Получив директиву, Рокоссовский со штабом изложил своё видение перспектив задачи по *изматыванию* и *ослаблению* противника и представил его в виде “обстоятельного доклада” в штаб фронта.

Документа этого в архивах пока обнаружить не удалось. В мемуарах, надо полагать, коротким абзацем в главе “Сухиничи” очерчены основные контуры того доклада: “На широкие наступательные операции сил не хватало. Решено было каждый раз ограничиваться определённой конкретной целью. Наиболее заманчивым объектом борьбы были населённые пункты, занимаемые противником. Потеря каждого такого пункта являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнём, в которой пробивалась брешь.

Немецко-фашистские войска учитывали характер местности и зимние условия. Все деревни и хутора на переднем крае и в глубине были превращены в опорные пункты, обнесённые колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Под домами — блиндажи с бойницами для кругового обстрела. Танки располагались для ведения огня прямой наводкой с места, являясь бронированными артиллерийско-пулемётными точками”.

Ответ Жукова не замедлил себя ждать, и он был кратким: “Выполняйте приказ!”

Восьмого февраля 1942 года началась наступательная операция левого крыла Западного фронта с задачей уничтожения сухиничско-жиздринской и болховско-брянской группировок противника. Цель, поставленная штабом Западного фронта, была явно невыполнимой.

Вот здесь-то и начал Рокоссовский шлифовать и совершенствовать свой полководческий дар. Маневрировать пришлось на фронте шириной в несколько километров силами полутора-двух дивизий и десятка танков, из которых только два-три были тяжёлыми или средними, а остальные относились к классу “саранчи”, как называли немцы наши лёгкие танки за их слабую броневую защиту, но хорошую маневренность и быстроходность. Многие свои операции, принципы воздействия на противника, модели атак, отвлекающих ударов, взаимодействия родов войск Рокоссовский со своим надёжным штабом в миниатюре отработал именно здесь, под Сухиничами, Попковым и Маклаками.

Чтобы выполнить задачу, поставленную Жуковым перед 16-й армией, Рокоссовский пришёл к выводу: надо сколачивать немногочисленные, но мощные ударные группы и атаковать на узких участках с целью разгрома опорных пунктов противника. “Потеря каждого такого пункта, — как вспо-

минал маршал, — являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнём, в которой пробивалась брешь”.

Противник пытался погасить такие атаки массированными налётами бомбардировочной авиации, тем более что небо принадлежало люфтваффе. Но Рокоссовский приказал закрыть небо и маршруты своих атак зенитным огнём. В бою за опорный пункт Попково зенитчики сбили шесть немецких самолётов.

Момент попадания в один из “юнкеров” наблюдал командарм. Вот облачка разрывов приблизились к самолёту, он неожиданно клюнул. Вокруг оживлённо загудели: “Есть попадание!” “Юнкерс” начал заваливаться на крыло, задымил. Из него выпал чёрный шарик и стремительно полетел вниз. “Только один”, — заметил кто-то из наблюдавших за падением самолёта. Парашют так и не раскрылся. Группу поиска всё же послали. И через несколько минут, к изумлению офицеров штаба, немца привели “живым и почти невредимым”. Немецкий пилот упал с высоты почти двух тысяч метров в глубокий овраг, забитый снегом, и это его спасло.

Однажды перед очередной атакой в штаб армии прибыл представитель командования Западного фронта генерал Ф. И. Кузнецов. Фёдор Исидорович до начала московского контрнаступления не совсем удачно командовал 51-й Особой армией в Крыму. Немцы и румыны смяли оборону армии, прорвались через Турецкий вал и хлынули к Севастополю. Ставка срочно бросила туда резервы во главе с надёжными генералами. Кузнецов от командования 51-й армией был отстранён. И вот прибыл налаживать дела здесь, в центре.

В своё время он курировал сухиничскую операцию и раскритиковал её в пух и прах. По поводу дальнейших частных ударов 16-й армии по немецким опорным пунктам он тоже высказывал своё неудовольствие. О недостатках в организации наступательных действий 16-й армии Кузнецов постоянно докладывал Жукову, однако ни в распоряжениях, ни даже в телефонных переговорах Рокоссовский не почувствовал, что комфронта как-то на эти замечания и пожелания реагирует. А однажды просто посоветовал не обращать внимания на назойливого инспектора и спокойно продолжать командовать армией.

Не добившись желаемого, Кузнецов перебрался в 61-ю армию и там стал допекать генерала М. М. Попова. Постоянно звонил в штаб фронта и доносил об упущениях и недостатках работы командарма—61. Однажды, когда тот раскритиковал очередные мероприятия генерала Попова, не выдержал и сам Жуков: приказал Кузнецову немедленно вступить в командование 61-й армией “и показать, на что сам горазд”. Кузнецов спохватился, понял, что перегнул, попытался пойти на попятную, мол, после его указаний Попов теперь и сам справится с делами, выправит положение, но Жуков был непреклонен.

Не прошло и месяца, как противник, почувствовав ослабление давления 61-й армии, предпринял серию контратак, отбил важнейшие опорные пункты и опасно вклинился в оборону, местами до тридцати километров. Видя неладное, Жуков спешно удалил крымского полководца из 61-й армии.

Взятие немецкого опорного пункта Попково Рокоссовский считал большой удачей. В Попкове оборону держал крупный гарнизон — до двух тысяч человек. Окопанные танки, артиллерия и миномёты на тщательно замаскированных огневых позициях. Ими был пристрелян каждый метр предполья.

Оборону сломили. Попково взяли. Появилась возможность для нового маневра.

Именно в те дни, когда в районе Попкова всё рычало и горело, Рокоссовский получил, наконец, письмо от жены. Юлия Петровна нарушила обет молчания. Женское сердце дрогнуло. То письмо не сохранилось, но в ответном послании Константина Константиновича можно прочитать многое.

“Милая Люлюсик!

Наконец-то получил от тебя целую пачку писем. Всё это передал мне лично корреспондент “Правды”, побывавший у тебя. Сижку, перечитываю письма и переживаю медовый месяц. Никто мне тебя не заменит, и никого

мне не надо. Не грусти, Lulu, бодрись и верь, что мы с тобой встретимся и опять заживём по-прежнему. Целую тебя, мой светлый луч, бесчисленное количество раз.

*Любящий тебя твой Костя.
17 февраля 1942 года”.*

Вечером 8 марта в Сухиничах намечалось торжественное собрание по случаю Международного женского дня. Накануне из-за частых обстрелов городских кварталов многие жители покинули свои дома и разбрелись по окрестным деревням. Там было спокойней. Но после взятия Попкова, когда линия фронта значительно отодвинулась, народ стал возвращаться.

От Попкова до Сухиничей его домчали аэросани отдельного аэросанного батальона, который только что успешно атаковал лыжный десант противника, прорвавшийся в тыл и опасно оседлавший одну из дорог. Немецкий отряд оказался довольно большим, до двух лыжных рот. Аэросанный батальон буквально раскромсал их внезапным нападением и мощным пулемётным огнём. Бойцы захватили пленных. Их предстояло допросить в штабе армии.

Серия снарядов разорвалась рядом со штабной избой. И через небольшую паузу ещё один. Звякнуло оконное стекло. Стало трудно дышать. И он выдохнул:

— Ну, кажется, попало...

(Окончание следует)